

ЮРИСТ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ № 1—2019

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

В.В. Гриб, член Президиума Ассоциации юристов России, председатель Исполкома Российской академии юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, доктор юридических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Е.И. Машаров, кандидат юридических наук

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

А.Ю. Рогочая, руководитель службы организационно-юридического сопровождения деятельности «Ассоциация форекс-дилеров» (АФД)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

А.Н. Горбенко, заместитель мэра г. Москвы, кандидат политических наук, председатель редакционного совета;

П.В. Крашенинников, председатель комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству, председатель Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор;

Я.А. Арт, главный редактор ООО «Финверсия», эксперт Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, член-корреспондент Международной академии менеджмента, член-корреспондент Международной академии экономики, финансов и права, кандидат экономических наук;

Е.Л. Забарчук, заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации;

П.П. Серков, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук;

Т.К. Андреева, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В.В. Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор;

А.В. Пилипчук, работник органов внутренних дел, экс-глава управления МВД по связям со средствами массовой информации, генерал-майор МВД;

П.Б. Шелищ, председатель ОСОО «Союз потребителей Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н., Трунцевский Ю.В.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

Индекс по каталогу «Роспечать» – 80777

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

РЕДАКЦИЯ:

Курукина Е.И., Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ/ИЗДАТЕЛЯ:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7. Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПИ № ФС 77-65759 от 20.05.2016
ISSN 1818-0728

Подписано в печать 20.12.2018 г. Выход в свет 30.01.2019 г.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа». 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0. Общий тираж 2 000 экз. Цена свободная

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

- Морозова Е.С.** Проблемы правового регулирования оценочной деятельности: роль федеральных стандартов оценки 2
- Некурящих И.И.** Противопоставление безопасности государства и информационной открытости общества 4

ПРАВОВОЙ ЛИКБЕЗ

- Демидова Я.В.** Номинальность и массовость руководителя юридического лица: проблемы соотношения, толкования и законодательного закрепления 8
- Козельский С.П.** Система арбитражных судов Российской Федерации: роль и задачи 12
- Маркина М.В.** Публичность договоров страхования 15

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

- Паршукова А.П.** Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из факта безучетного потребления энергии при истечении межповерочного интервала 18

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2018)

- Президиум Верховного Суда Российской Федерации 21
- Судебная коллегия по гражданским делам 23
- Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав 23
- Разрешение споров, возникающих из отношений по страхованию 24
- Разрешение споров, связанных с реализацией товаров, работ и услуг 27
- Разрешение споров, связанных с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов 33
- Разрешение споров, связанных с осуществлением трудовой (служебной) деятельности 41

Проблемы правового регулирования оценочной деятельности: роль федеральных стандартов оценки

Морозова Елена Сергеевна,

студент 2-го курса заочной формы обучения по направлению магистратуры Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
m.e-l@mail.ru

В рамках настоящей статьи представлен анализ роли федеральных стандартов оценки в правовой структуре нормативного регулирования.

Необходимо определить порядок принятия федеральных стандартов оценки, определить проблемы их применения на практике, а также установить понятие термина «федеральные стандарты оценки».

В настоящее время прослеживается процесс становления оценочной деятельности как самостоятельного института. Нуждаются в дополнительном обсуждении некоторые аспекты его развития в части нормативного регулирования.

Формируется система правового регулирования, которая включает в себя международные договоры Российской Федерации, Конституцию Российской Федерации и иные федеральные законы и нормативно-правовые акты. На территории Российской Федерации первым правоустанавливающим документом, регламентирующим общие положения, основания и порядок осуществления оценочной деятельности, является Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее — ФЗ «Об оценочной деятельности»).

В процессе перехода к государственному регулированию с включением саморегулирования данного вида профессиональной деятельности специально создаваемыми организациями оценка является следующим шагом в становлении правовой системы как самостоятельного института. Саморегулируемая организация выступает в качестве составляющей единицы структуры оценочной деятельности и позволяет более конкретно регламентировать вопросы, возникающие вследствие ведения указанной профессиональной деятельности.

Согласно абз. 1 ст. 22 ФЗ «Об оценочной деятельности» и абз. 1 ст. 3 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018)

«О саморегулируемых организациях»² (далее — ФЗ «О СРО») саморегулируемая организация оценщиков (далее — СРОО) создается в целях обеспечения регулирования и контроля как оценочной деятельности, так и деятельности своих членов в частности. Для достижения данной цели устанавливается порядок соблюдения субъектами оценки нормативных правовых актов в области оценочной деятельности, в том числе и стандартов оценки. За нарушение указанных требований предусмотрена ответственность оценщика, в том числе путем привлечения и к уголовной, и к административной ответственности. Кроме того, согласно ст. 24.6 ФЗ «Об оценочной деятельности» оценщик несет имущественную ответственность за причиненный вред третьим лицам. Следовательно, в случае нарушения оценщиком профессиональных принципов, а также основных требований (в том числе установленных ФСО) к производству расчетов относительно объекта оценки, то последний несет реальный риск лишиться квалификации, членства в СРОО, а также быть привлеченным к материальной или иной ответственности.

Данные обстоятельства позволяют охарактеризовать правоотношения, возникающие вследствие организации оценочной деятельности, а также отметить важность определения статуса ФСО как, непосредственно, для оценщиков, так и для потребителей оценки, с целью предотвращения возможного искажения представляемой информации по результатам оценки и установления границ для действия участков указанных правоотношений.

Согласно абз. 2 ст. 20 ФЗ «Об оценочной деятельности» стандарты оценочной деятельности подразделяются на федеральные стандарты (далее — ФСО), стандарты и правила оценочной деятельности. Редакция ФЗ от 29 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности» (первоначальная) исключала термины «ФСО» и «правила оценочной деятельности».

¹ СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3813.

² СЗ РФ. 03.12.2007. № 49. Ст. 6076.

На территории Российской Федерации действуют 12 ФСО. Несмотря на их применение оценщиками при ведении расчетов относительно объекта оценки, на практике суды первой и апелляционной инстанций отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на недостоверность приводимых расчетов. Например, при применении пониженного коэффициента либо наличии ограничительных условий, существенно влияющих на результат производимых расчетов. Вопрос применения данных позиций определяется исходя из положений законодательства об экспертной и оценочной деятельности. К сожалению, суды игнорировали данное требование и при вынесении решений не мотивировали обоснованность исключения названных позиций. Указанное направление практики приводит к несоответствию действий судов первой и апелляционной инстанций, в том числе ФСО. Данное заключение имеет свое подтверждение, к примеру, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 336-ПЭК16, А26-10819/2012³, постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 338-ПЭК16, А26-10817/2012⁴, постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 347-ПЭК16, А26-10818/2012⁵.

ФЗ «Об оценочной деятельности», а также выше-названные ФСО не содержат правового определения понятия «ФСО», что подтверждает отсутствие четких норм регулирования важных вопросов исследуемой профессиональной деятельности. В связи с этим представляется необходимым установить место ФСО в общей системе права и выразить зависимость понимания судов от их толкования. На наш взгляд, данная проблема находит свое отражение в отсутствии точных указаний о статусе ФСО в структуре нормативного регулирования.

В соответствии с положениями абз. 1 ст. 20 ФЗ «Об оценочной деятельности» под стандартами оце-

ночной деятельности следует понимать определенные требования, предъявляемые к порядку проведения оценки и осуществления оценочной деятельности. Согласно абз. 3 ст. 20 ФЗ «Об оценочной деятельности» ФСО, за исключением ФСО, устанавливающих требования к определению кадастровой стоимости, разрабатываются национальным объединением СРОО и (или) СРОО. Однако следует отметить, что в соответствии со ст. 22.2 названного федерального закона и ст. 4 ФЗ «О СРО» данная обязанность за СРОО не закреплена. Исходя из изложенного, следует предположить об отсутствии четких правил определения границ нормативности в части регулирования данного вопроса.

Разработанные ФСО представляются в сроки, предусмотренные программой разработки ФСО, на рассмотрение в совет по оценочной деятельности, который создается при уполномоченном федеральном органе, осуществляющем функции по нормативно-правовому регулированию оценочной деятельности. Указанный порядок не соответствует правилам принятия федеральных законов, однако наделяет названные стандарты статусом «федеральные». Данное заключение позволяет сделать вывод о том, что ФСО обладают меньшей юридической силой, чем федеральные законы, однако они также являются обязательными к применению и соблюдению при ведении оценочной деятельности.

Как отмечает А.П. Кузнецов⁶, ФСО содержат нормативно-правовое закрепление требований к выполнению оценщиком тех или иных работ по оценке, содержат конкретизирующую информацию.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, термин «ФСО» должен иметь следующее понятие: «требования, определяющие порядок проведения оценки и осуществления оценочной деятельности в основных направлениях профессиональной сферы, обязательные к применению субъектами оценки».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема правового регулирования оценочной деятельности выражается в отсутствии четких правил определения границ нормативности в части установления статуса ФСО в общей системе права исследуемой профессиональной сферы.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 336-ПЭК16, А26-10819/2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru>

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 338-ПЭК16, А26-10817/2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru>

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2016 г. по делу № 347-ПЭК16, А26-10818/2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru>

⁶ Кузнецов А.П., Генералов А.В., Ворончихин Д.В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе : учебное пособие. М., 2016. § 1.2 гл. 1.

Литература

1. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»: постатейный / А.Н. Борисов. М. : Юстицинформ, 2015. 475 с.
2. Конева К.А. Система нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета в Российской Федерации / К.А. Конева // Все для бухгалтера. 2014. № 3 (279). С. 25–35.
3. Кузнецов А.П. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе : учебное пособие / А.П. Кузнецов, А.В. Генералов, Д.В. Ворончихин. М. : Статут, 2016. 223 с.

Противопоставление безопасности государства и информационной открытости общества

Некурящих Илья Игоревич,
магистрант кафедры гражданского права и процесса
Института государства и права
Тюменского государственного университета (ТЮМГУ)
nek.ilya@mail.ru

Развитие интернет-технологий привело к популяризации Интернета как инструмента коммуникации и взаимодействия граждан. Рост социальных сетей, возможность неограниченного обмена мнениями и информацией привели к стремительному развитию гражданских сетевых структур, что стало важнейшим инструментом реализации права на доступ к информации, свободы выражения мнения в России и по всему миру.

Свобода одного человека должна ограничиваться свободой другого в той мере, в какой это необходимо для равного обеспечения и защиты свободы всех членов сообщества, а государство выступает как гарант такого ограничения¹. В информационной сфере можно проследить динамику целенаправленного развития, когда мера свободы определяется усмотрением государственной структуры. Зачастую государство пытается оградить общество от той информации, которая, по мнению этого государства, является нежелательной для распространения в обществе. Мы наблюдаем процесс, когда информация, не являющаяся с точки зрения законодательства конфиденциальной, и по своей специфике легальна, оказывается недоступной для широких масс.

Попытки государства регулировать доступ к информации в полном объеме в своей основе выражаются в возможности ее получения, а также в контроле источников получения информации. Таким образом, ограничивая от распространения общественно значимую информацию, государство контролирует развитие ситуаций в обществе.

Бесспорно, никто не отрицает присутствие в Интернете нелегального контента, использование информационно-коммуникационных технологий в антигосударственных и противоправных целях. Наличие данного факта не означает, что пользователь не должен иметь возможность пользоваться теми благами, которые предоставляет Всемирная паутина.

Стоит согласиться с мнением исследователей, которые считают, что при ограничениях доступа к информации в сети Интернет следует руководствоваться следующими критериями, разработанными ООН: 1) ограничение должно быть предусмотрено законом, который ясен и доступен каждому (принципы предсказуемости и прозрачности); 2) ограничение должно преследовать одну из целей: для защиты прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности или общественного порядка, здоровья или нравственности населения (принцип законности); 3) необходимость ограничения должна быть доказана и использована в качестве исключительного средства, необходимого для достижения предполагаемой цели (принципы необходимости и пропорциональности)².

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Данное положение в полной мере отвечает общепризнанным международным нормам, отраженным, в частности, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»³.

² Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 257; Петров Д.Е. Ограничение распространения информации в сети Интернет // Юридический мир. 2012. № 1. С. 32–34.

³ Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.

¹ Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 200.

Из анализа конституционного положения можно сделать вывод, что гражданские права могут быть ограничены как угодно, главное, соблюдать основной принцип — использования федерального закона. Такое понимание теории ограничения права можно признать односторонним и упрощенным, которое приводит к существенному снижению гарантий прав и свобод человека. Что и стало происходить в законодательном поле Российской Федерации.

Нормы, установленные Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее — ФЗ № 436), с учетом изменений, принятых Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”», направлены на ограничение доступа к вредоносной для несовершеннолетних информации. Законы, на первый взгляд, соответствуют требованиям, заложенным ст. 55 Конституции РФ, но де-факто указанные нормы при их буквальном толковании создают условия для ограничения доступа к информации всех категорий населения, тем самым нарушения права и свободы законопослушных граждан. Возникновение проблемы связано с отсутствием в законе четкого, регламентированного и закрытого перечня мест, где распространение данной информации необходимо ограничивать, что, по сути, является коррупциогенным фактором, содержащим неопределенные требования к гражданам и организациям. В результате создается цензурированная экосистема всего Интернета на территории Российской Федерации, где любая информация может быть заблокирована под предлогом того, что даже гипотетически несовершеннолетние могут получить к ней доступ.

Также коррупциогенные факторы наблюдаются в процедуре экспертизы на наличие запрещенной информации, например в отсутствии или неполноте административных процедур. Это выражено в дефиците регламентированного перечня информации, которая, согласно ФЗ № 436, должна быть ограничена, и в отсутствии механизма контроля за проведением экспертиз со стороны граждан, что может привести к произволу экспертов и экспертных организаций.

На данный момент действует следующий механизм блокировки: Роскомнадзор, имея решение уполномоченного органа о блокировке того или иного сайта, направляет его владельцу, обслуживающему сайт хостинг-провайдера, об удалении этой информации. У хостинг-провайдера есть сутки на то, чтобы переслать данное уведомление владельцу сайта. У владельца сайта есть сутки на то, чтобы эту информацию удалить. В противном случае хостинг-провайдер также в течение дня должен сам удалить данную информацию.

С точки зрения технической особенности взаимодействия провайдера хостинга и владельца сайта, последний может несвоевременно получить или даже не получить вовсе уведомление о необходимо-

сти удалить страницу с запрещенной информацией. Складывается ситуация, когда владелец вынужден обращаться в суд уже после блокировки, он не может предотвратить ее, и ему приходится доказывать отсутствие запрещенной информации, а не наоборот, что ставит его в неравное положение и нарушает принцип презумпции невиновности.

В октябре 2018 г. Госдума приняла в первом чтении законопроект № 469143-7⁴ о блокировке доступа к так называемым «колумбайн-сообществам», пропагандирующим насилие среди подростков. Законопроект предполагает внесение изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁵ (далее — ФЗ № 149), согласно которому блокировке подлежат сайты с информацией, направленной на склонение или иным образом вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих опасность для их жизни. В то же время законопроект предполагает и серьезные изменения в ст. 15.1 ФЗ № 149 относительно механизма блокировки по большинству видов запрещенного контента. Согласно нынешнему законопроекту, хостинг-провайдер, получив предписание от Роскомнадзора, должен будет «незамедлительно» уведомлять владельца сайта об этом. Тот должен будет «незамедлительно» удалять запрещенный контент, иначе сайт будет заблокирован. Если и этого не произойдет, то Роскомнадзор заблокирует доступ к соответствующему ресурсу. Всего процесс блокировки занимает от трех дней. Исключение составляет блокировка экстремистской информации, осуществляется по решениям Генпрокуратуры: она осуществляется «незамедлительно», а владельцы сайтов только после блокировки получают уведомления об этом.

Используемое понятие «незамедлительно» не соответствует действующему законодательству и является коррупциогенным фактором, что выражено в широте дискреционных полномочий (так как присутствует неопределенность сроков) и юридико-лингвистической неопределенности (используются категории оценочного характера)⁶.

Следует выделить норму, прописанную в ст. 15.5–15.8 ФЗ № 149, позволяющую блокировать IP-адрес

⁴ Законопроект № 469143-7 «О внесении изменений в статью 15-1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к совершению противоправных действий, опасных для их жизни».

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

⁶ Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // Российская газета. 2010. 5 марта.

сайта, на одной из страниц которого размещена запрещенная информация. Создается цепная реакция, вследствие чего блокируются десятки не связанных друг с другом ресурсов, являющихся легальными, с противоположной тематической направленностью информации, но находящихся на одном сетевом адресе. При этом блокировка конкретно одного взятого сайта, включая в себя абсолютно все его элементы, не содержащие противоправный контент, также нарушает конституционные права граждан.

Так, за пять лет действия ФЗ № 436 в различные реестры было внесено около трехсот тысяч страниц. По данным общественной организации «Роскомсвобода», неправомерно было заблокировано (по IP-адресу, что приводит к блокировке сопутствующих сайтов) 3 163 786 сайтов (из них ФСКН — 104 643; Роскомнадзором — 334 764; МВД — 677 849 и т.д.)⁷.

Данные статистики показывают неэффективность блокировки. Так, за период с 2012 по 2017 г. число несовершеннолетних потребителей наркотиков увеличилось на 60%⁸. За этот же период количество детской порнографии в Интернете выросло на 63%⁹. Аналогичный рост наблюдается в показателях по числу самоубийств среди несовершеннолетних — на 57%¹⁰.

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее — ФЗ № 374) предусматривает возложение новых обязанностей на интернет-сервисы, таких как: 1) в течение года хранить и предоставлять по запросу факты приема, передачи и обработки любых сообщений и сведения о пользователях; 2) в течение шести месяцев — всю переписку пользователей, включая передаваемые по сети файлы; 3) предоставить «ключи», необходимые для декодирования принимаемых электронных сообщений, если сервисом используется шифрование.

ФЗ № 374 хотя и был направлен на защиту государства и граждан от терроризма, но значительно ограничил права и свободы человека и гражданина, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 23, ч. 1 ст. 24, ст. 28, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, при этом гражданам не представлена независимая, объективная, общественная оценка, которая могла бы подтвердить или опровергнуть результативность принятых на основании зако-

нодательства мер по борьбе с терроризмом. Таким образом, закон не отвечает критериям, разработанным ООН, и ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ.

9 мая 2017 г. был принят Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», одним из основных принципов которого является «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий». Для развития Интернета в России предлагается отстаивать суверенное право государства определять информационную, технологическую и экономическую политику в национальном сегменте Сети, а также исключить анонимность и безответственность пользователей¹¹.

Реализация стратегии уже началась. 1 ноября 2017 г. вступили в силу поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающие администраторов VPN и подобных сервисов под угрозой блокировки ограничивать доступ к запрещенной в России информации («закон о запрете VPN»). В течение недели после вступления в силу закона не менее семи сервисов заявили об отказе сотрудничать с Роскомнадзором и вмешиваться в трафик клиентов¹². А также было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2018 г. № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». Согласно постановлению, мессенджеры должны проверять информацию о номере пользователя у его мобильного оператора. Для этого мессенджер направляет запрос оператору, а тот должен провести проверку и ответить в течение 20 мин. Если номера в базе оператора не окажется или оператор не ответит, мессенджер не регистрирует пользователя. Если же пользователь, уже прошедший проверку, позднее изменит сведения о себе или сменит номер телефона, то ему нужно будет пройти процедуру заново.

Между государством и гражданским обществом возникает коллизия, связанная с возможностью реализации права на доступ к информации и формируемыми ограничениями вокруг нее. В принятых государством законах усматриваются нарушения ряда статей Конституции РФ, а именно:

1) закон ограничивает доступ граждан к незапрещенной информации, что является прямым нарушением конституционного права на получение и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ);

2) закон, позволяющий блокировать IP-адрес, на котором кроме страниц или сайтов с запрещенной информацией существуют другие легальные сетевые ресурсы, фактически вводит коллективную ответственность за правонарушения (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ);

⁷ URL: <https://reestr.rublacklist.net/visual> (дата обращения: 15.10.2018).

⁸ Патрушев заявил о значительном росте числа несовершеннолетних наркоманов // RBC.ru. 03.03.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58b9364c9a7947f2bb04d0c2> (дата обращения: 05.10.2018).

⁹ Кузнецова: объем детской порнографии в интернете за 5 лет вырос на 63% // РИА. 01.11.2016. URL: <https://ria.ru/society/20161101/1480448277.html> (дата обращения: 05.10.2018).

¹⁰ Число суицидов в России выросло почти на 60% // Ведомости. 20.03.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/03/20/681840-chislo> (дата обращения: 06.10.2018).

¹¹ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>

¹² Ряд VPN-сервисов отказались сотрудничать с Роскомнадзором // SecurityLab. 09.11.2017. URL: <https://www.securitylab.ru/News/489585.php> (дата обращения: 01.10.2018).

3) права и свободы гражданина могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо и если это преследует определенные цели. Данные законы превышают допустимые нормы и наносят больший вред, чем правонарушения, с которыми они должны бороться (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Блокировка интернет-ресурсов по IP-адресам и цепная реакция, которая была озвучена выше, приводят к ограничению доступа к информации, которая соответствует законам и разрешена на территории Российской Федерации, тем самым умаляя права и свободы граждан на доступ к информации. Отсутствие четко прописанного регламента отсеивания информации, которая является запрещенной согласно законам, приводит к злоупотреблению указанным Конституцией допустимым ограничением. До тех пор пока не будет четкого представления, что же и в какой мере является запрещенной информацией, коллизия будет существовать.

Данному конфликту между государственной безопасностью и информационной открытостью не место в современном демократическом обществе. Государственная безопасность ни в коей мере не может перекрывать информационную открытость, так как последняя является ведущим принципом социальной организации.

По нашему мнению, регулирование Интернета должно учитывать следующие моменты:

1) в решении вопроса о государственной безопасности невозможно ограничиться только национальным законодательством, необходимо использовать

и развивать международные акты, поскольку сама архитектура Сети трансгранична. Подобный информационный контроль возможен в отношении информации, которая является запрещенной во всех странах (пропаганда терроризма, наркотиков, детская порнография и т.д.);

2) многообразие источников правового регулирования Интернета влечет необходимость создания информационного кодекса, способного разрешать противоречия и конкуренцию норм, публично-правовых и частно-правовых, а также национальных и международных. Так как с развитием информационного общества количество антагонизмов и сложностей, с которыми сталкивается отраслевой законодатель, будет лишь возрастать, что, однако, не дает ему права отходить от базовых принципов правового регулирования общественных отношений. На данный момент ситуация осложняется возникновением большого массива несистематизированных нормативных правовых актов, регулирующих их;

3) целесообразно введение в Гражданский процессуальный кодекс РФ отдельной главы, посвященной рассмотрению дел о признании информации запрещенной к распространению. Решения о признании информации запрещенной к распространению в сети Интернет должны публиковаться;

4) необходимо создание единого классификатора полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере информационной безопасности. Так как важно обеспечить баланс эволюции правового регулирования и стабильности законодательства.

Литература

1. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции / Н.В. Варламова // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.
2. Петров Д.Е. Ограничение распространения информации в сети Интернет / Д.Е. Петров // Юридический мир. 2012. № 1. С. 32–34.
3. Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / Э.В. Талапина. М., 2015. 469 с.

Номинальность и массовость руководителя юридического лица: проблемы соотношения, толкования и законодательного закрепления

Демидова Яна Валериевна,
магистрант кафедры гражданского права
Российского государственного социального университета
lady200891@inbox.ru

Гражданское право, в предмет которого также входит правовое регулирование юридических лиц и их органов управления, с каждым годом стремительно развивается и усложняется. Ежегодно актуализируются правовые позиции судов, Верховным Судом РФ публикуются постановления пленумов, вносятся изменения в закон, что отражает высокий уровень правовой культуры общества. Вместе с тем быстрый темп развития корпоративных правоотношений в хозяйственных обществах ставит перед законодателем новые задачи, которые имплементируются в нормативные правовые акты спустя несколько лет.

Институт ответственности единоличного исполнительного органа юридических лиц является важной составляющей правоотношений, которые возникают между руководителем организации и участниками (акционерами) в процессе осуществления руководства компанией. Несомненно, единоличный исполнительный орган в лице генерального директора или президента наделен полномочиями, которые отличаются от объема прав и обязанностей участников (акционеров). Однако решения, принимаемые вторыми, обеспечивают жизнеспособность хозяйственного общества или, наоборот, несут в себе цель прекратить статус юридического лица ввиду нецелесообразности его существования. Единоличный исполнительный орган находится в прямой зависимости от участников (акционеров) юридического лица, поскольку заключает сделки и действует от имени общества без доверенности во имя воли первых.

Ввиду увеличения тенденции создания холдинговых компаний в России, внутри группы которых создается множество юридических лиц со «скрытой» целью оптимизации налогообложения, управление ими осуществляется с помощью «номинальных» директоров. Указанные общества не занимаются осуществлением предпринимательской деятельности. Их цель — промежуточное субхолдинговое положение между основным юридическим лицом и конечным. Несмотря на то что «номинальность» единоличного исполнительного органа является обособленной

легитимной дефиницией, правовыми нормами она не закреплена. Стоит отметить, что в зарубежном законодательстве, в части правового регулирования офшорных зон, также отсутствует определение «номинальности». Однако в силу сложившихся обычаев на Кипре, Британских Виргинских островах, Маршалловых островах, в Белизе, Маврикии, на острове Мэн, в Панаме, на острове Невис все директора, формально указанные в регистратуре компаний, являются номинальными, фактически исполняющими функции администрирования — некоего секретариата, без реального руководства текущей деятельностью компании, которое осуществляется контролирующими лицами — бенефициарами.

В то же время отсутствие в российском законе термина «номинальность» единоличного исполнительного органа не означает, что данная проблема не знакома нашей правовой системе, поскольку частично аспекты данного феномена толкуются судебной практикой, которая начала формироваться сравнительно недавно. При этом раскрывается дефиниция «номинальности» руководителя хозяйственного общества через институт ответственности в рамках дел о банкротстве юридических лиц. Так, пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53) закрепляет некоторые положения о «номинальности», выделяя общие признаки такого лица. Согласно толкованию Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, «номинальный» руководитель характеризуется отсутствием реального управления деятельностью компании и фактических на то полномочий.

Ответственность между номинальным и фактическим единоличным исполнительным органом по долгам хозяйственного общества носит субсидиарный характер. Из данного аспекта усматривается проблематика снижения или исключения гражданской право-

вой ответственности руководителя, воля и интерес которого по руководству хозяйственным обществом отсутствовали. Исходя из буквального толкования п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, механизм смягчения ответственности выражен в уменьшении денежного взыскания, что означает частичную «льготу» без возможности избежания возмещения убытков в полном объеме¹.

Кроме того, при снижении размера денежного возмещения судом принимается во внимание раскрытие «номинальным» руководителем сведений о фактическом контролирующем лице, осуществлявшем руководство текущей деятельностью общества, за счет которого кредиторы будут способны получить долги по неисполненным обязательствам. В то же время суд по своему внутреннему убеждению расценивает доказательства, соотнося их относимость и допустимость, поэтому если аргументы номинального директора не убедительны, то ответственность он понесет в полном объеме². Несмотря на указанный выше подход, имеется и противоположная судебная практика, где арбитражные суды освобождают от гражданской правовой ответственности руководителей, характер управления которых был номинальным³.

Однако банкротство — не единственная категория споров, где применяется дефиниция «номинальности» руководителя. Так, повышается актуальность споров по искам хозяйственных обществ по оспариванию решений налоговых органов, которым был доначислен НДС, пени и штраф ввиду необоснованного применения вычетов по договорам с контрагентом, не имевшим ресурсов для осуществления предпринимательской деятельности. Номинальность руководителя является обоснованием факта отсутствия источников юридического лица-контрагента для поддержания жизнеспособности общества. Наряду с рассматриваемой дефиницией, таковыми признаются недоказанность реальности сделок, транзитный способ платежей, фальсификация подписей на документах, недостоверность юридического адреса⁴.

Допустимо сделать вывод, что сделки, совершенные с субхолдингами или компаниями, формально входящими в холдинг, — те, что фактически контролируются одним и тем же лицом, имеют рисковый характер, выражающийся в налоговых обременениях, которые могут возникнуть в будущем в форме доначислений налогов, штрафов и пени спустя определенный период времени.

Другим отрицательным аспектом «номинальности» руководителя юридического лица является вероятность отказа в осуществлении регистрационных действий. Так, ООО «СНК» пыталось оспорить решение регистрирующего органа об отказе в регистрации сведений о прекращении деятельности общества в форме присоединения к основному обществу⁵. Судебный орган отметил, что реорганизация была мнимой с целью создания видимости перехода прав и обязанностей присоединяемого общества. Суд пришел к такому выводу, поскольку присоединение осуществлялось к обществу с номинальным директором и учредителем.

Тенденция оспаривания решений регистрирующего органа породила в судебной практике дефиницию «массовости» единоличного исполнительного органа. При этом термин номинальности руководителя в делах по оспариванию юридическим лицом дел о массовости не употребляется.

Исходя из правовых позиций арбитражных судов, «массовость» единоличного исполнительного органа является негативным фактором, который создает препятствия для осуществления организационно-хозяйственных функций руководителем в объеме, предписанном Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Понятие «массовости» достаточно сложно применить к какому-либо новому судебному делу и в перспективе оценить шансы на удовлетворение иска по оспариванию решения налогового органа, поскольку отсутствуют правовые нормы в законе, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Стоит отметить, что «массовость» — понятие оценочное, поскольку показатель зависит от количества юридических лиц с индивидуально-определенным субъектом, занимающим должность единоличного исполнительного органа. При этом не только физические лица, но и управляющие организации, которые действуют от имени обществ без доверенности, подпадают под «массовость» руководителя. Отсутствие разъяснений порождает определенные вопросы, и первый из них, самый главный, о количественном множестве занятия должности единоличного исполнительного органа. Конечно, допустимо выявить пороговые пределы, выработанные судебной практикой, однако они разнятся, и определить количественную точность невозможно. Так, «массовыми» были названы следующие руководители: 1) ООО «МЕЛОДИЯ». Оюшин Сергей Германович: выступал в качестве заявителя по регистрации изменений в налоговых органах

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июля 2018 г. № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013 // СПС «КонсультантПлюс». 2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 августа 2018 г. № Ф09-4197/18 по делу № А07-26128/2015 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

² См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 февраля 2018 г. № Ф09-8928/17 по делу № А76-9267/2014 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 октября 2017 г. № Ф04-3214/2017 по делу № А45-9615/2015 // СПС «КонсультантПлюс». 2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 августа 2018 г. № Ф09-6773/15 по делу № А60-9860/2013 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 декабря 2017 г. № Ф09-6444/17 по делу № А50-62/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 января 2018 г. № Ф09-8758/17 по делу № А50-4657/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 августа 2018 г. № Ф01-3273/2018 по делу № А79-5342/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 октября 2017 г. № Ф06-24517/2017 по делу № А65-28917/2016 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

в 920 организациях, из них в 26 числится должностным лицом⁶; 2) ООО «КОЛИБРИ». Мишанин Сергей Александрович: занимал должность единоличного исполнительного органа в 9 организациях⁷; 3) ООО «Элефант». Руководитель Чирков Евгений Андреевич: заявитель при государственной регистрации в 7 неликвидированных фирмах и в пяти единоличных исполнительных органах⁸; 4) ООО «ДЕЛЬФИН». Сагдиев Альберт Исламович: руководитель в 142 компаниях⁹; 5) ООО «Макроремсервис». Родионов Алексей Александрович занимает должность единоличного исполнительного органа в 132 организациях¹⁰.

Следует признать, что регистрирующий орган принимает во внимание не только факт «массовости» конкретного физического или юридического лица, который осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа в нескольких юридических лицах, но и «массовость» тех же лиц в качестве участников хозяйственных обществ. В некоторых случаях в совокупность к указанным выше дефинициям принимается во внимание и критерий «массовости» юридического адреса.

Проводя сравнительный анализ дефиниций «номинальности» и «массовости» руководителя, следует отметить, что их возникновение обусловлено гражданскими правоотношениями, поскольку правовая природа нормативных правовых актов, в число которых входит Гражданский кодекс РФ, является фундаментальной основой. Вопреки этому, тождественность указанных терминов стоит опровергнуть. Несмотря на гражданский характер правоотношений, «номинальность» и «массовость» исходят из дел разных категорий. Так, первый термин возник и активно применяется арбитражными судами в делах о банкротстве, вторым же мотивируются судебные акты, связанные с оспариванием решений налоговых органов. В то же время не исключается использование дефиниции «номинальности» по спорам, связанным с доначислением налогов и штрафных санкций. Однако это происходит в меньшей степени.

При этом, рассматривая вопрос о соотношении, следует отметить, что массовость — это частный случай номинальности руководителя, поскольку не всегда номинальный единоличный исполнительный орган является массовым. В то же время массовый руководитель в большинстве своем является номи-

нальным, поскольку руководить текущей деятельностью примерно от 10 до 300 хозяйственных обществ он не может. Кроме того, разумно провести различие «номинальности» и «массовости» по правовой природе, где «первое означает реальное отсутствие руководства субхолдингов, второе же направлено на ограничение и пресечение внесений недостоверных сведений в ЕГРЮЛ»¹¹.

Подводя итог, стоит отметить, что законодательство Российской Федерации требует доработки в части регулирования вопроса о субсидиарной ответственности номинального руководителя, которую предлагается либо исключить при доказанности факта отсутствия реального руководства хозяйственным обществом, либо смягчить, ограничив размер денежного возмещения убытков, который, как правило, в настоящее время колеблется до нескольких миллиардов рублей.

Предлагается внести понятие «массовости» в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» путем дополнения п. 1 ст. 23 подп. «щ», на основании которого будет мотивироваться решение регистрирующего органа об отказе в государственной регистрации изменений, вносимых как в учредительные документы, так и в ЕГРЮЛ. При этом рекомендуется обобщить, что «массовость» подразумевает под собой единоличный исполнительный орган, участников (акционеров) и юридический адрес хозяйственного общества. Сейчас налоговый орган отказывает в совершении регистрационных действий на основании подп. «а» п. 1 ст. 23 вышеупомянутого закона, мотивируя это непредставлением заявителем документов, предусмотренных нормативным актом, что не соответствует фактическим обстоятельствам, положенным в качестве обоснования соответствующего решения.

В части определения «массовости» руководителя или участника (акционера) рекомендуется установить, что «массовым является руководитель, занимающий должность единоличного исполнительного органа в юридических лицах, количество которых более трех. Названный минимум хозяйственных обществ способен обеспечить надлежащее исполнение обязанностей, поскольку не создаст препятствий для осуществления организационно-хозяйственных функций руководителем в объеме, предписанном Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Массовый участник (акционер) — это физическое или юридическое лицо, которое владеет долями или акциями уставного капитала хозяйственного общества. Однако применять критерий «массовости» к участникам (акционерам), как это происходит сегодня, неразумно, поскольку это ограничивает соответствующих лиц на право получения доходов от принадлежащих

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2017 г. № Ф06-27667/2017 по делу № А65-4342/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 февраля 2018 г. № Ф06-29191/2017 по делу № А65-8574/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 декабря 2017 г. № Ф06-27118/2017 по делу № А65-4751/2017 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 декабря 2017 г. № Ф06-26822/2017 по делу № А65-29502/2016 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

¹⁰ См.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 23 марта 2018 г. № 10АП-2297/2018 по делу № А41-85442/16 // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

¹¹ См.: Демидова Я.В., Ленковская Р.Р. Правовое регулирование холдингов в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Студенческий форум: электрон. науч. журн. 2018. № 19 (40). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/40/40713> (дата обращения: 12.10.2018).

им долей и акций в уставных капиталах организаций. Кроме того, зачастую такое владение осуществляется с целью инвестирования. Поэтому в целях недопустимости ограничения права на занятие предпринимательской деятельностью, провозглашенное ст. 34 Конституции РФ, предлагается исключить данный критерий как влияющий на решение регистрирующего органа при вынесении решений об отказе в государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы или ЕГРЮЛ. Допустимо было бы принимать во внимание либо только тех участников (акционеров), которые занесены в реестр дисквалифицированных лиц, либо тот факт, что в отношении юридического лица с их участием содержатся недостоверные сведения в ЕГРЮЛ, либо если их организации были ликвидированы по решению налогового органа за непредставление бухгалтерской отчетности и на момент исключения из реестра задолженность перед бюджетом признана безнадежной к взысканию. Массовость юридического адреса не нуждается в конкретизации, поскольку ФНС России принят приказ, содержащий разъяснения по данному вопросу¹².

Как правило, за номинальность руководители несут субсидиарную ответственность, за массовость —

риск блокировки совершения регистрирующих действий. В обоих случаях это негативные санкции. В то же время вытекающие последствия имеют отличия. В первом случае номинальный руководитель обременяется несением денежных потерь, во втором возникают препятствия, оказывающие влияние на нормальное функционирование юридического лица, поскольку без осуществления регистрационных действий изменения, принятые по воле участников (акционеров), являются не действующими для третьих лиц.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что актуальность проблематики дефиниций «номинальности» и «массовости» руководителей неоспорима, поскольку рассматриваемой теме не уделяется должного внимания как с точки зрения теории, так и практики. Несмотря на то что «номинальность» руководителя частично становилась предметом исследований российских юристов, фундаментальных работ по данной теме до сих пор не издано. В противовес «номинальности» «массовость» является новым феноменом, поэтому на данный момент должного освещения в науке не получила. Анализ судебной практики показывает, что законодательство как в части «номинального», так и «массового» руководителя требует внесения изменений, которые со временем помогут объективно и беспристрастно разрешать судебные споры арбитражным судам, опираясь на нормативные правовые акты и разъяснения пленумов Верховного Суда РФ.

¹² См.: Приложение 2 к приказу ФНС России от 29 декабря 2006 г. № САЭ-3-09/911@ «Об информационной поддержке» // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

Литература

1. Демидова Я.В. Правовое регулирование холдингов в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ / Я.В. Демидова, Р.Р. Ленковская // Студенческий форум. 2018. № 19 (40). С. 65–70.

Система арбитражных судов Российской Федерации: роль и задачи

Козельский Сергей Павлович,

студент 2-го курса факультета «Правоохранительная и адвокатская деятельность» Юридического института Югорского государственного университета
kozelskiysp@mail.ru

С образованием в 1990-х годах в Российской Федерации современной системы арбитражных судов Российской Федерации (далее — АС РФ) и принятием законодательства, регламентирующего деятельность АС РФ, была восстановлена традиция отнесения к ведению коммерческих судов всех торговых и иных экономических споров¹. Создание такого вида судов, владеющих специальной юрисдикцией и представляющих собой четко слаженную структуру, целенаправленно и быстро влияющую на изменения в экономической жизни, явилось одним из серьезных шагов реформы права, что позволило утверждать о разработке и внедрении действенных механизмов правовой защиты рыночной экономики, субъектов экономической деятельности в Российской Федерации.

На современном этапе экономических и судебных преобразований в жизни российского общества одним из актуальных вопросов является эффективная работа АС РФ как гарантия законности и предупреждения совершения правонарушений субъектами предпринимательской деятельности.

Институт арбитражного правосудия является относительно молодым, однако уже показал свою значимость и необходимость при регулировании жизненно важных процессов, происходящих в экономике страны. Об этом свидетельствует ряд судебных реформ и последовательных изменений в законодательстве Российской Федерации.

Например, до 2014 г. Высший Арбитражный Суд РФ (далее — ВАС РФ) являлся главным судебным органом по рассмотрению и разрешению споров в сфере осуществления предпринимательской и иной коммерческой деятельности.

В связи с принятием 2 февраля 2014 г. Закона РФ о поправке к Конституции РФ № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»² ВАС РФ прекратил свою деятельность,

а все вопросы осуществления правосудия, входящие в его компетенцию, отнесены к полномочиям ВС РФ.

Система АС РФ выполняет свою важную функцию в механизме государственного регулирования экономики и деятельности субъектов предпринимательской деятельности, без которой невозможно представить современную российскую экономику.

АС РФ рассматривают дела по экономическим спорам и другим делам, связанным с предпринимательской и иной коммерческой деятельностью. В АС РФ с исковыми заявлениями обращаются юридические лица и индивидуальные предприниматели, в отдельных случаях в рассмотрении дел принимают участие государственные органы Российской Федерации, государственные органы субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Ежегодно АС РФ рассматривают по несколько сотен тысяч дел. Все споры таким или иным образом непосредственно связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, будь это спор о взыскании задолженности по договору поставки или спор об обжаловании действий (бездействия) государственных и иных органов.

Главные функции АС РФ при рассмотрении подведомственных им споров, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее — ФКЗ), перечисленные в ст. 5 указанного закона, в широком смысле связаны с обеспечением функционирования экономики страны в целом, в узком смысле — с регулированием правовых отношений между субъектами предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 3 ФКЗ³ система АС РФ состоит из трех элементов:

— первый элемент составляют арбитражные суды первой инстанции, образуемые в субъектах Российской Федерации, специализированные арбитражные суды;

— второй элемент — арбитражные суды апелляционной инстанции;

¹ Решетникова И.В. Концепции стремительно развивающегося российского арбитражного процесса (к 10-летию принятия АПК РФ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 17.

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

³ Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589; СЗ РФ. 2016. № 7. Ст. 896.

— третий элемент — арбитражные суды кассационной инстанции.

На наш взгляд, в указанной статье отсутствует еще один элемент: это Верховный Суд Российской Федерации, как суд, обладающий наивысшими полномочиями по рассмотрению экономических споров.

В соответствии со ст. 4 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴ арбитражные суды, составляющие систему арбитражных судов Российской Федерации, являются по своему статусу федеральными судами и образуют систему федеральных судов. Указанные суды, в соответствии с положением ст. 17 данного закона, могут создаваться и упраздняться только путем внесения изменений в его ст. 4.

Деятельность АС РФ строится на основе принципов законности, независимости судей, равенства организаций и граждан перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, гласности разбирательства дел.

Из вышесказанного следует, что главной задачей арбитражных судов является справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Считаем, что главным фактором, снижающим эффективность деятельности арбитражных судов, способствующим необоснованному нарушению процессуальных сроков рассмотрения споров, является злоупотребление сторонами процессуальными правами.

При изучении данной проблемы нами выделены следующие основные виды процессуальных злоупотреблений:

1. В статье 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) изложены основные требования к содержанию и форме искового заявления.

Статьей 126 Кодекса определен перечень прилагаемых к исковому заявлению документов.

Недобросовестные участники судебного процесса на этапе предъявления искового заявления начинают злоупотреблять своими процессуальными правами.

Так, достаточно к исковому заявлению не приложить платежное поручение об оплате государственной пошлины, почтовую квитанцию о направлении экземпляра искового заявления другой стороне и др., арбитражный суд в соответствии со ст. 128 Кодекса оставляет исковое заявление без движения, как правило, срок для устранения недостатков составляет один месяц.

Указанные процессуальные злоупотребления характерны при обжаловании решений о расторжении договоров и др.

2. В соответствии с гл. 14 и 19 судебное разбирательство проводится в два этапа.

Первый этап — предварительное судебное заседание и второй этап — непосредственно судебное разбирательство.

На первом этапе сторона, злоупотребляющая правом, не обеспечивает явку представителя, и арбитражный суд, как правило, откладывает судебное заседание.

После окончания первого этапа сторона, намеревающаяся злоупотребить своим правом, подает в арбитражный суд заявление (ходатайство), в котором возражает против проведения судебного разбирательства в отсутствие представителей стороны.

Как правило, арбитражный суд в соответствии со ст. 158 Кодекса откладывает судебное разбирательство на срок до одного месяца.

Так, в деле № А75-13027/2016 ответчик указанными выше способами «затянул» рассмотрение искового заявления и принятие решения более чем на 2 месяца против установленных Кодексом сроков рассмотрения искового заявления и принятия решения.

3. Следующий вид процессуального злоупотребления также возможен на стадии рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции.

С целью затягивания сроков рассмотрения споров сторона, недобросовестно пользующаяся своими правами, представляет в арбитражный суд ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с тем, что сторонами обсуждается вопрос заключения мирового соглашения.

В этом случае арбитражный суд в соответствии со ст. 158 Кодекса также откладывает судебное разбирательство на срок до одного месяца.

Так, по делу № А75-13538/2018 в результате указанных действий стороне удалось затянуть срок рассмотрения искового заявления и вынесения решения более одного месяца против установленных сроков.

Информация по делу:

8 ноября 2016 г. истцом подано исковое заявление.

15 ноября 2016 г. арбитражный суд оставил исковое заявление без движения до 15 декабря 2016 г.

24 ноября 2016 г. истцом представлены истребуемые документы.

30 ноября 2016 г. арбитражный суд принял к производству исковое заявление и назначил дату судебного заседания — 26 января 2018 г.

19 января 2017 г. истцом подано ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с заключением мирового соглашения.

С учетом ходатайства арбитражным судом была назначена дата судебного заседания только 20 февраля 2017 г.

4. Следующий вид процессуального злоупотребления: назначение судебной экспертизы.

На практике применяется стороной в случае, когда исковое заявление подлежит удовлетворению и ответчик прекрасно осознает данный факт.

В процессе ответчик заявляет ходатайство о проведении судебной экспертизы с приложением необходимых документов в соответствии с постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

⁴ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 551.

Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

Арбитражный суд назначает проведение экспертизы, и, как правило, ее проведение может составлять от одного до трех месяцев.

Так, по делу № А75-3360/2013 истец (компания, занимающаяся оптовой торговлей нефтепродуктами) обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности за поставленные и неоплаченные нефтепродукты.

Исковое заявление было принято к производству 22 апреля 2013 г., и назначено судебное заседание по рассмотрению обоснованности искового заявления в предварительном судебном заседании на 24 июля 2013 г., в судебном заседании — на 11 сентября 2013 г.

10 сентября 2013 г. в адрес арбитражного суда от ответчика поступает ходатайство о проведении экспертизы.

Арбитражный суд откладывает рассмотрение искового заявления и назначает новую дату для рассмотрения обоснованности искового заявления с учетом данных экспертизы на 15 октября 2013 г.

Таким образом, с помощью нехитрых уловок ответчику удалось «оттянуть» принятие решения на срок более трех месяцев.

5. Следующий вид процессуального злоупотребления рассмотрим на этапе апелляционного обжалования.

Согласно ч. 1 ст. 180 Кодекса решение арбитражного суда вступает в силу по истечении месячного срока со дня его принятия, при условии, что не подана апелляционная жалоба.

Сторона, злоупотребляющая правом и не желающая своевременного вступления в силу решения, подает апелляционную жалобу в последние дни истечения месячного срока.

В статье 260 Кодекса определен перечень документов, прилагаемых к апелляционной жалобе.

Сторона, злоупотребляющая правом, в нарушение ст. 260 Кодекса может не приложить к апелляционной жалобе документ, подтверждающий уплату государственной пошлины или направление экземпляра апелляционной жалобы другой стороне.

В этом случае арбитражный суд апелляционной инстанции в соответствии со ст. 263 Кодекса оставляет апелляционную жалобу без движения и устанавливает срок для устранения недостатков. Как правило, данный срок составляет один месяц.

Так, по делу № А75-7728/2018 решением арбитражного суда от 5 сентября 2018 г. с ответчика взыскана в пользу истца задолженность по оплате выполненных работ в сумме 2,5 млн руб.

То есть решение арбитражного суда вступало в силу 5 октября 2018 г. Ответчик 1 октября 2018 г. подал апелляционную жалобу и к ней не приложил документ, подтверждающий оплату государственной пошлины.

Арбитражный суд апелляционной инстанции в соответствии со ст. 263 Кодекса оставил апелляционную жалобу без движения до 20 ноября 2018 г., после поступления документа об оплате государственной пошлины арбитражный суд апелляционной инстанции назначил дело к рассмотрению на 12 декабря 2018 г.

И таких примеров, к сожалению, большое количество.

Считаем, что для искоренения подобных фактов недобросовестного поведения и злоупотребления процессуальными правами в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации требуется внесение изменений в части установления императивного требования о том, что исковое заявление или апелляционная жалоба, не соответствующие по форме и содержанию требованиям Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, подлежат возврату, а не оставлению без движения, как это предусмотрено в действующей редакции Кодекса.

Такие же жесткие требования необходимо установить и в случаях обращения с ходатайствами об отложении судебных разбирательств в связи с заключением мирового соглашения, предусмотрев, что в таком случае ходатайства должны поступать от обеих сторон.

Дополнительно для недопущения недобросовестного поведения сторон арбитражного процесса необходимы разработка и внедрение Верховным Судом Российской Федерации соответствующих указаний для нижестоящих судов.

ВАС РФ сделал попытку системного анализа сложившейся ситуации. Первым судебным актом в данном направлении было постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству», согласно которому нижестоящим арбитражным судам были даны указания о порядке принятия искового заявления и подготовки дела к судебному разбирательству с целью упорядочения работы арбитражных судов и соблюдения сроков рассмотрения споров.

Как нам известно, ВАС РФ был упразднен. Верховный Суд РФ, как нам представляется, в настоящий момент данной проблеме не уделяет должного внимания. Надеемся, что в будущем Верховный Суд РФ в результате анализа правоприменительной практики примет соответствующие судебные акты, ограничивающие злоупотребления сторон своими процессуальными правами.

Литература

1. Калинин В.Н. Реформа системы арбитражных судов: за и против / В.Н. Калинин // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 27–28.
2. Решетникова И.В. Концепции стремительно развивающегося российского арбитражного процесса (к 10-летию принятия АПК РФ) / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 17–19.

Публичность договоров страхования

Маркина Марианна Викторовна,
доцент кафедры частного права
института государственного управления и права
Государственного университета управления (ГУУ),
кандидат юридических наук
markina76@rambler.ru

Статья 934 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)¹ содержит определение договора личного страхования. По договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Часть 2 п. 1 ст. 927 ГК РФ указывает на то, что договор личного страхования является публичным договором.

Понятие публичного договора содержится в ст. 426 ГК РФ. Это договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится.

Определение публичного договора позволяет составить перечень его признаков.

1. Одной из сторон является предприниматель (физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, либо коммерческое юридическое лицо).

2. Другой стороной является потребитель товаров, результатов работ, оказания услуг.

3. Обязанность предпринимателя заключить договор с любым лицом, которое к нему обратится по поводу продажи товаров, выполнения работ либо оказания услуг, при этом цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории.

4. Иные условия не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказа-

ния им предпочтения, за исключением случаев, если законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей.

В данной работе предлагается рассмотреть, все ли договоры личного страхования имеют данные признаки и на самом деле являются публичными и могут ли договоры имущественного страхования, а также специальные виды страхования (ст. 970 ГК РФ) быть публичными.

Согласно ст. 4 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — Закон о страховании)² к личному страхованию должны быть отнесены: страхование жизни, страхование от несчастных случаев и болезней (страхование здоровья), медицинское страхование. К имущественному страхованию должны быть отнесены: страхование имущества, страхование финансовых рисков, страхование предпринимательских рисков, страхование рисков наступления ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу граждан, имуществу юридических лиц, муниципальных образований, субъектов Российской Федерации или Российской Федерации, страхование рисков наступления ответственности за нарушение договора.

Статья 970 ГК РФ указывает также на специальные виды страхования.

Для ответа на вопрос о публичности договоров страхования необходимо их рассмотреть через призму вышеперечисленных признаков публичного договора.

Во-первых, одна из сторон договора страхования должна быть предпринимателем. Действительно, услуги в области страхования оказывают, согласно п. 1 ст. 6 Закона о страховании, страховые, перестраховочные организации, общества взаимного страхования. В указанном Законе они называются страховщиками. Почти все они являются коммерческими юридическими лицами, поэтому вполне могут быть стороной в публичном договоре.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 12 января.

Исключение составляют общества взаимного страхования. Согласно ст. 5 Федерального закона от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ «О взаимном страховании»³, общество взаимного страхования — основанная на членстве некоммерческая организация.

Также исключением является Пенсионный фонд Российской Федерации, который, согласно ст. 5 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»⁴, является государственным учреждением.

Статья 14 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»⁵ в качестве страховщика называет Агентство по страхованию вкладов, являющееся государственной корпорацией, то есть некоммерческим юридическим лицом, созданным Российской Федерацией.

Абзац 3 п. 2 ст. 6 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»⁶ устанавливает, что страховщики — коммерческие или некоммерческие организации, создаваемые в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Статья 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»⁷ указывает, что страховщик — Фонд социального страхования Российской Федерации.

Соответственно, не все договоры страхования можно охарактеризовать как публичные.

Во-вторых, другая сторона договора страхования должна быть потребителем. Это требование выполнимо практически для всех договоров страхования, так как страхователя, застрахованное лицо и выгодоприобретателя можно назвать потребителями страховых услуг.

Тогда договоры страхования, заключенные со страховщиками — коммерческими юридическими лицами (то есть предпринимателями), могут характеризоваться как публичные.

В-третьих, страховщики-предприниматели обязаны заключить договор с любым лицом, которое к ним обратится по поводу оказания страховых услуг,

при этом цена услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории.

Данное условие не во всех страховых отношениях выполнимо. Если мы говорим об обязательном страховании, личном или имущественном, то, действительно, законы, а также на федеральном уровне формирующиеся правила страхования по поводу каждого обязательного вида страхования применяются ко всем отношениям в области обязательного страхования.

Применительно к добровольному страхованию это требование не выполняется. Добровольное страхование осуществляется по желанию страхователя, который может страховать практически все объекты, которые указаны в законе, по своему желанию.

Здесь можно наблюдать следующее. В личном страховании страховщики не могут применять одинаковые для всех тарифы, коэффициенты и прочие условия договоров. Дело все в том, что при обращении страхователя к страховщику, например застраховать его или иного застрахованного лица жизнь, здоровье, трудоспособность, страховщик обязательно проведет анкетирование, устный опрос, а может быть, и медицинское освидетельствование, касающиеся здоровья будущего потребителя, образа жизни. Также потребуются указать в анкете занятия опасными видами спорта, работу на опасном, вредном производстве. Все это страховщики выясняют не для праздного любопытства. Чем выше риск наступления страхового случая после заключения договора добровольного страхования, например здоровья, тем выше устанавливаются коэффициенты для последующего расчета страхового взноса. На размер страхового взноса также влияют возраст страхователя или застрахованного лица, перенесенные им заболевания, степень тяжести заболеваний, хронические заболевания, степень их «запущенности» и многое другое. Если страхователь указывает все эти данные и готов на повышенные коэффициенты и, соответственно, на увеличение страховых взносов, это еще не значит, что страховщик заключит с ним договор.

При написании статьи были опрошены представители некоторых страховых организаций, заключающие договоры добровольного медицинского страхования (далее — ДМС), а также договоры страхования жизни и здоровья. Вопрос всем был задан один и тот же: заключите ли Вы договор ДМС, застрахуете ли здоровье, если застрахованное лицо имеет один или несколько следующих диагнозов. Это, например, СПИД, раковая опухоль, активная форма туберкулеза, проказа, кишечный, уретральный свищи?

Нет необходимости указывать названия страховых организаций, для того чтобы не заниматься рекламой или антирекламой, но из девяти опрошенных представителей страховщиков, предлагающих программы ДМС, а также программы страхования жизни и здоровья, восемь отказали бы в заключении договора, где застрахованный страдает такими заболеваниями или хотя бы одним из них. А один страховщик согласился бы заключить договор, но с оплатой страхователем страхового взноса с учетом максимального коэффи-

³ Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 286-ФЗ «О взаимном страховании» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6047.

⁴ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

⁵ Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (часть 1). Ст. 5029.

⁶ Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3686.

⁷ Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

циента, а также множества изъятий из программы. То есть лечить согласны только от простуды и травмы (например, перелом ноги), но не указанные заболевания и сопутствующие им недуги. Далее следовал вопрос: а как же норма ч. 2 п. 1 ст. 927 ГК РФ, где указано, что договор личного страхования является публичным договором и Вы обязаны заключить договор с любым обратившимся? На это специалисты страховщики повторяли ответ об отказе в заключении договора и ДМС, и страхования жизни и здоровья.

Таким образом, страховщики отказывают в заключении договоров личного страхования.

Поэтому о такой характеристике договора личного страхования, как публичность, речи не может идти.

То же самое можно наблюдать и в добровольном страховании имущества. Если посмотреть правила страхования имущества у различных страховщиков, которые они самостоятельно разрабатывают, так как нет правил добровольного страхования, утвержденных на федеральном уровне, то все они имеют пункт примерно с такой формулировкой: имущество, естественный износ которого равен или превышает семьдесят процентов, не подлежит страхованию. Соответственно, и здесь нельзя прийти с любым имуществом и заключить договор, а значит, нет оснований говорить о публичности договора добровольного страхования имущества.

В-четвертых, признаки публичности договора требуют, чтобы не устанавливались иные условия

исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения.

Но и здесь это требование невыполнимо.

В обязательном страховании федеральные законы устанавливают для всех одинаковые условия заключения договора: указывают обязанных страхователей, тарифы, коэффициенты и пр., в том числе на публичность договоров.

То же мнение высказывает А. Соловьев: «Если говорить об ОСАГО, то публичность договора здесь вполне уместна»⁸.

Но в добровольном, как в личном, так и в имущественном, страховании все иначе.

Поэтому нельзя говорить о публичности договора страхования, как личного, так и имущественного.

Исходя из вышесказанного, считаем, что все договоры личного страхования не могут быть признаны публичными, а поэтому необходимо в ч. 2 п. 1 ст. 927 ГК РФ убрать фразу: «Договор личного страхования является публичным договором (статья 426)».

Полагаем, что публичными являются только те договоры страхования, которые заключаются в силу установления закона, то есть относятся к обязательному страхованию.

⁸ Соловьев А. Публичный договор в имущественном страховании // Финансовая газета. 2010. 4 февраля. <http://www.insur-info.ru/press/41592/> (дата обращения: 15.10.2018).

Литература

1. Соловьев А. Публичный договор в имущественном страховании / А. Соловьев // Финансовая газета. 2010. 4 февраля.

Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из факта безучетного потребления энергии при истечении межповерочного интервала

Паршукова Анастасия Павловна,
магистрант Уральского филиала
Российского государственного университета правосудия (РГУП)
anastasia.p2018@mail.ru

Дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договору энергоснабжения традиционно входят в пятерку наиболее распространенных споров, рассматриваемых арбитражными судами (за исключением дел о несостоятельности (банкротстве)). Анализ статистических данных позволяет говорить о постоянной тенденции к увеличению их количества. Так, в 2016 г. арбитражными судами первой инстанции было рассмотрено 223 767 энергетических споров¹, в 2017 г. — 272 187 споров², в первом полугодии 2018 г. — 132 007 споров на сумму более 237 млн руб.³

Значительная часть споров связана с учетом объема потребленной энергии, поскольку в процессе передачи неизбежно возникают потери, от вида которых зависит порядок определения стоимости поставленного ресурса⁴. Безучетное потребление относится к коммерческим потерям, обусловленным несоответствием показаний приборов учета и иными причинами в сфере организации контроля над потреблением энергии⁵.

Понятие безучетного потребления является комплексным и включает в себя открытый перечень действий со стороны потребителя, каждое из которых может быть квалифицировано как нарушение порядка учета энергии, установленного договором энергоснабжения⁶. Таким образом, безучетным потреблением может считаться любое действие, повлекшее за собой искажение данных об объеме потребляемой энергии⁷.

В целях обеспечения достоверности измерений законодательно установлены единые требования к приборам и системам учета и порядок осуществления поверки данных⁸. Поверка позволяет подтвердить пригодность или непригодность прибора учета и дать ответ на вопрос о возможности его дальнейшего использования. Период, на протяжении которого показания прибора учета презюмируются как достоверные, именуется межповерочным интервалом. В указанный период расчет стоимости потребленной энергии осуществляется на основании показаний, переданных потребителем, поэтому по его истечении необходимо производить повторную поверку либо замену прибора. Неисправность прибора учета или несвоевременное прохождение поверки влечет за собой применение при расчете стоимости потребленной энергии повышающего коэффициента⁹. Согласно

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2016 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3833> (дата обращения: 12.11.2018).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2017 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430> (дата обращения: 12.11.2018).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2018 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4757> (дата обращения: 12.11.2018).

⁴ Огневская Д. Электроэнергетика: порядок ценообразования и судебный прецедент // Конкуренция и право. 2012. № 5. С. 20–23.

⁵ Практический комментарий основных изменений налогового законодательства с 2006 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58158/f29d4704248ade64d765d52e0b406942a96973f2/ (дата обращения: 14.11.2018).

⁶ Свирков С.А. Меры юридической ответственности за неправомерное пользование энергией // Судебная практика в Западной Сибири. 2013. № 4. С. 28–31.

⁷ Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (ред. от 27.09.2018) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»)// СЗ РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 3008.

⁸ Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об обеспечении единства измерений» // СЗ РФ. 30.06.2008. № 26. Ст. 3021.

⁹ Постановление Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 603 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Рос-

подп. «к(1)» п. 33 Постановления Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (далее — Правила № 354), передача показаний приборов учета является правом потребителя, а препятствование допуску исполнителя в помещение для проведения поверки, согласно подп. «ж» п. 34 Правил № 354, — обязанностью.

Исходя из вышеизложенного, в предмет доказывания по спорам, возникающим из факта выявления безучетного потребления энергии при истечении межповерочного интервала, входят: доказывание факта поставки энергии; доказывание факта безучетного потребления энергии в конкретном периоде и отсутствие доказательств ее оплаты. Также судом производится проверка расчетов объема энергии и суммы, подлежащей взысканию¹⁰.

Так, по одному из споров кассационный суд направил дело на новое рассмотрение, поскольку суды нижестоящих инстанций не включили в предмет судебного исследования вопрос, связанный с определением объема потребленной электрической энергии, исходя из фактической максимальной мощности энергопринимающих устройств, относящихся к соответствующей точке поставки. Указанная ошибка, в свою очередь, не позволяла проверить расчет истца с точки зрения соответствия его требованиям действующего законодательства и правильности используемых величин (в том числе, максимальную мощность, тариф)¹¹.

Ряд судов, с учетом требований Постановления Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (далее — Основные положения № 442), определяющих понятие безучетного потребления, и правового подхода, сформированного Верховным Судом Российской Федерации в определении от 27 сентября 2017 г. № 301-ЭС17-8833, считают необходимым включение в предмет доказывания вопрос о том, имели ли место со стороны потребителя действия, хоть и не связанные с вмешательством в работу прибора учета, но повлекшие искажение данных об объеме потребления электрической энергии¹².

сийской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг» // СЗ РФ. 04.07.2016. № 27 (часть 3). Ст. 4501.

¹⁰ Хорошева Н.В. Безучетное потребление электроэнергии в связи с истечением межповерочного интервала: проблемы правоприменительной и судебной практики, пути их решения // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. URL: <http://jusinf.ru/catalog/article3907> (дата обращения: 28.11.2018).

¹¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 ноября 2018 г. по делу № А33-18313/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.11.2018).

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 ноября 2018 г. по делу № А66-21188/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.11.2018).

Анализ судебной практики также позволяет утверждать, что в предмет доказывания по данной категории споров входит установление факта истечения межповерочного интервала, а также принадлежности прибора учета конкретному потребителю¹³.

С точки зрения судебного доказывания имеет значение и вопрос о применении презумпции вины потребителя в безучетном потреблении при истечении межповерочного интервала¹⁴. Различные подходы судов к сущности презумпции вины потребителя выражаются в расхождении судебной практики на следующие позиции: согласно первому подходу, презумпция вины потребителя не может быть опровергнута, согласно второму — является опровержимой.

Первая позиция, в свою очередь, распадается на два подхода, в основе которых — различное понимание сущности истечения межповерочного интервала и его связи с безучетным потреблением и применение на этом основании презумпции отсутствия прибора учета.

Так, согласно первой концепции в рамках первого подхода, истечение межповерочного интервала не создает безучетного потребления, а рассматривается как самостоятельный юридический факт, являющийся основанием для применения расчетного способа определения объема потребленной энергии. Пропуск срока поверки при этом презюмируется как отсутствие прибора, в связи с чем его показания не могут быть учтены при исчислении количества поставленного электричества¹⁵.

Суды разграничивают безучетное потребление и истечение межповерочного интервала по следующим признакам. Во-первых, истечение межповерочного интервала является объективным обстоятельством и не зависит от факта его обнаружения или проведения проверок. Во-вторых, законодательство не связывает применение положений пункта 179 Правил № 442 с фактом фиксации нарушения системы учета в акте поверки, в отличие от безучетного потребления энергии, а лишь с фактом истечения межповерочного интервала, который подтвержден истцом документально и ответчиком не опровергнут. В-третьих, составление акта о безучетном потреблении электроэнергии при выявлении факта истечения межповерочного интервала положения Правил № 442 не предусматривают¹⁶.

Вторая позиция в рамках первого подхода также основана на презумпции отсутствия прибора учета, поскольку по истечении срока поверки его показания

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 октября 2018 г. по делу № А43-14236/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.11.2018).

¹⁴ Тарасов И.Н. Разрешение споров в электроэнергетике / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 106–120.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 3 июля 2018 г. по делу № А33-12518/2017; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июня 2018 г. по делу № А33-12502/2017; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 июля 2018 г. № 10АП-3340/2018 по делу № А64-6174/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.11.2018).

¹⁶ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 13 июня 2018 г. по делу № А33-14550/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.11.2018).

о количестве поставленного энергоресурса не могут считаться достоверными. Суды исходят из толкования состава безучетного потребления, который образуют как активные действия, направленные на нарушение учета электроэнергии путем вмешательства в работу прибора учета, так и бездействие, выражающееся в отсутствии надлежащей технической эксплуатации со стороны потребителя, в том числе осмотров приборов учета с целью своевременного выявления недостатков учета и сообщения об этом энергоснабжающей организации¹⁷.

Последующее признание измерительного комплекса пригодным в целях коммерческого учета не имеет значения для квалификации потребления электрической энергии в период, когда срок поверки истек, как безучетного, поскольку с момента истечения срока поверки и до признания прибора учета пригодным в целях коммерческого учета потребление считается осуществленным без надлежащего учета¹⁸.

Согласно второму подходу, потребителю предоставлено право опровергнуть презумпцию вины, представив доказательства исправности прибора учета при истечении межповерочного интервала, поскольку отсутствие данных поверки является опровержимой презумпцией неисправности прибора.

Суды исходят из того, что п. 81 Правил № 354 возлагает на собственника помещения бремя доказывания исправности прибора учета, а одним из оснований признания средства измерения неисправным, согласно п. 81 (12) Правил № 354, является истечение межповерочного интервала. При этом неисправность прибора, в понимании указанной нормы, является презумпцией, право на опровержение которой предоставлено лицу, не исполнившему обязанность по поверке средства измерения. Так, если прибор учета был предоставлен на поверку по истечении межповерочного интервала, потребитель не лишен возможности доказывать его исправность путем проведения экспертизы или внеплановой поверки.

Судом дополнительно учитываются также соответствие данных прибора учета потребленной энергии в спорный период, в том числе в совокупности с данны-

ми энергопотребления в аналогичный период года, предшествующий спору; добросовестность поведения потребителя, своевременность проведения проверки при обнаружении факта истечения межповерочного интервала, продолжительность использования прибора без поверки и иные обстоятельства, которые суд сочтет допустимыми и относимыми¹⁹. Интересно отметить, что в случае замены прибора учета с истекшим сроком поверки потребитель обязан также представить доказательства того, что новое измерительное средство является исправным и его эксплуатация не приводит к искажению данных об объеме потребленной энергии²⁰.

Суды, придерживающиеся данного подхода, полагают, что взыскание с потребителя платы за потребленную энергию без предоставления доказательств пригодности измерительного прибора при отсутствии оспаривания факта истечения межповерочного интервала является незаконным²¹.

Проведенный нами анализ судебной практики позволяет говорить о том, что применение презумпций является процессуальной особенностью споров о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договору энергоснабжения. Тем не менее представляется, что позиционирование вины потребителя в безучетном потреблении при истечении срока межповерочного интервала в качестве неопровержимой презумпции хотя и соответствует принципу формальной истины, но не является справедливым, поскольку суды, действующие в рамках данного подхода, сужают предмет доказывания, признавая доказательства, опровергающие вину потребителя, неотносимыми. Полагаем, что достижение цели процессуальной экономии в ущерб объективному, всестороннему и полному исследованию доказательств недопустимо, и считаем, что, если сторона располагает опровергающими доказательствами, необходимо их исследовать, не ссылаясь на абсолютный характер презумпции.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 октября 2018 г. по делу № А12-690/2018; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 ноября 2018 г. по делу № А12-48540/2017; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 июня 2018 г. по делу № А31-4072/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 февраля 2017 г. по делу № А12-42232/2015 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁹ Рекомендации Научно-консультативного совета, постановления Президиума Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда и утвержденные Президиумом правовые подходы, обзоры судебной практики и итоговые справки по вопросам, возникающим из гражданских правоотношений (2012–2017) // Официальный сайт Арбитражного суда Уральского округа. URL: <http://fasuo.arbitr.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

²⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 ноября 2018 г. по делу № А12-39431/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.11.2018).

²¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 ноября 2018 г. по делу № А25-2161/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.11.2018).

Литература

1. Огневская Д. Электроэнергетика: порядок ценообразования и судебный прецедент / Д. Огневская // Конкуренция и право. 2012. № 5. С. 20–23.
2. Свирков С.А. Меры юридической ответственности за неправомерное пользование энергией / С.А. Свирков // Судебная практика в Западной Сибири. 2013. № 4. С. 28–31.
3. Тарасов И.Н. Разрешение споров в электроэнергетике / И.Н. Тарасов ; науч. ред. В.В. Ярков. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 207 с.
4. Хорошева Н.В. Безучетное потребление электроэнергии в связи с истечением межповерочного интервала: проблемы правоприменительной и судебной практики, пути их решения / Н.В. Хорошева // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 58–69.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
14 ноября 2018 г.

Обзор Судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018)

Президиум Верховного Суда Российской Федерации

1. Убийство лица заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, не может быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный привел потерпевшего в это состояние своими преступными действиями.

Установлено, что Б., имея умысел на причинение Л. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избия осужденные перенесли находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадки.

С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избии Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. накинули ремень на находившегося в беспомощном состоянии потерпевшего и задушили его. Смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы шеи, сопровождавшейся асфиксией.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по п. «г» ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, п. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), а С. — по п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции оставил указанный приговор без изменения.

В надзорной жалобе осужденный С. просил изменить судебные решения и исключить его осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, смягчив назначенное ему наказание.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в отношении С. и Б. по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона, по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это об-

стоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденные, в том числе С. и Б., избия потерпевшего, причинив его здоровью вред средней тяжести, доведя его до бессознательного состояния, затем с целью сокрытия преступления совершили его убийство.

Основанием для признания в действиях осужденных квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, явилось то обстоятельство, что потерпевший находился в заведомо для осужденных беспомощном состоянии в результате избия осужденными.

Приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед совершением убийства самим виновным, как это установлено судом по данному делу, не является основанием для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Состояние, в котором находился потерпевший в момент лишения его жизни, не может быть признано беспомощным по смыслу п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С учетом изложенного президиум исключил из судебных решений осуждение С. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Б. — по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ со смягчением назначенного им наказания за это преступление.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 89П18*

2. Из приговора исключено указание о применении правил ст. 70 УК РФ при назначении наказания и о наличии судимости, поскольку совершение осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания по предыдущему приговору не препятствовало применению к нему акта об амнистии.

По приговору суда от 20 марта 2015 г. А. (ранее судимый 16 февраля 2010 г. и 10 июля 2013 г.) осужден по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения

свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ — к 9 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год; на основании ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ — к 15 годам 2 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил освободить его от наказания, назначенного по приговору от 10 июля 2013 г., в связи с принятием постановления об амнистии, которое вступило в законную силу до рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 11 июля 2018 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела следует, что по приговору от 16 февраля 2010 г. А. был судим за преступления, совершенные им в несовершеннолетнем возрасте, а по приговору от 10 июля 2013 г. он был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году исправительных работ, наказание не отбыто.

В соответствии с п. 4 постановления Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», осужденные к наказанию, не связанному с лишением свободы, подлежали освобождению от наказания. Каких-либо ограничений для применения к А. данного акта об амнистии не имелось.

По смыслу подп. 4 п. 19 постановления о порядке применения амнистии факт совершения осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о

прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению.

Совершение А. нового умышленного преступления 11–12 марта 2014 г. на день вступления в силу акта об амнистии вступившим в законную силу итоговым судебным решением подтверждено не было, в связи с чем акт об амнистии подлежал применению, А. — освобождению от наказания по приговору от 10 июля 2013 г.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации данное обстоятельство учтено не было.

Кроме того, исходя из положений п. 12 постановления об амнистии освобождение от наказания на основании п. 4 данного постановления влечет за собой снятие судимости.

С учетом изложенного президиум изменил приговор и апелляционное определение: исключил указание о наличии у А. судимости по приговору от 10 июля 2013 г. и признании в силу требований ч. 1 ст. 18 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, рецидива преступлений по отношению к судимости по ст. 158 УК РФ, а также о назначении наказания по правилам ст. 70 УК РФ.

Президиум смягчил наказание, назначенное А. по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, до 12 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ — до 8 лет 9 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначено А. наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет 6 месяцев с ограничением свободы сроком на 1 год 9 месяцев.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 84-П18

При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону:
(495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции: 115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Судебная коллегия по гражданским делам

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. Участник долевой собственности, понесший расходы на неотделимые улучшения общего имущества в виде жилого помещения в целях приведения его в состояние, пригодное для проживания, вправе требовать их возмещения от другого сособственника соразмерно его доле.

М.Э. обратился в суд с иском к М. о взыскании денежных средств за произведенные в квартире улучшения, расходов по оплате жилищных услуг, процентов за пользование чужими денежными средствами, а также расходов по оплате государственной пошлины.

Как установлено судом и следует из материалов дела, М.Э. и М. в период зарегистрированного брака заключили с обществом договор об участии в долевом строительстве однокомнатной квартиры.

В связи с расторжением брака решением суда за каждым из бывших супругов признано право собственности на 1/2 доли в объекте незавершенного строительства.

После передачи строительной организацией квартиры сторонам по акту в черновой отделке истец за свой счет произвел ремонт квартиры.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь ст. 980–984 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), пришли к выводу о том, что требования М.Э. в части взыскания денежных средств на ремонт квартиры не подлежат удовлетворению, поскольку истец не представил доказательств согласования с М. выполнения ремонта, его объема и расходов. При этом, по мнению суда, представленные квитанции и чеки не позволяют прийти к выводу о том, что приобретенные материалы использовались для ремонта указанной выше квартиры.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 980 ГК РФ действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью.

При квалификации отношений, возникших между сторонами, как действия в чужом интересе без по-

ручения суды не учли, что по смыслу данной нормы лицо, совершившее действия в чужом интересе, должно осознавать, что его действия направлены на обеспечение интересов другого лица, а основной целью лица, совершившего действия в чужом интересе, должно являться улучшение положения другого лица, а не его собственного положения.

Однако таких обстоятельств, свидетельствующих о производстве ремонта М.Э. исключительно в интересах М., судами установлено не было.

На основании ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом.

Статьей 249 ГК РФ предусмотрено, что каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Согласно ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ) жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

В силу ч. 1 ст. 17 ЖК РФ жилое помещение предназначено для проживания граждан.

Таким образом, порядок осуществления владения и пользования имуществом, в том числе жилым помещением, находящимся в долевой собственности граждан, устанавливается судом, если согласие между сособственниками не достигнуто.

Правомочие владения как одно из правомочий собственника означает физическое обладание имуществом, а также отношение к имуществу как своему. Правомочие пользования включает извлечение полезных свойств имущества с сохранением его целевого назначения.

Осуществление одним из сособственников ремонта в жилом помещении означает реализацию им правомочий владения и пользования таким помещением, а также одновременно и способ несения издержек по содержанию и сохранению жилого помещения в состоянии, пригодном для проживания.

Согласно договору долевого участия в строительстве переданная сторонам спора квартира предоставлена без отделки.

Истец за свой счет с даты передачи ему квартиры по акту произвел неотделимые улучшения для приведения указанного помещения в состояние, пригодное для проживания, то есть использования жилого помещения по назначению.

После приведения квартиры в состояние, пригодное для проживания, судом было вынесено решение, согласно которому М. вселена в спорную квартиру, а на М.Э. возложена обязанность передать М. ключи от квартиры и не препятствовать в пользовании жилым помещением. Кроме этого, ответчик была зарегистрирована в спорной квартире по месту жительства.

В связи с изложенным, то обстоятельство, что М.Э. и М. не достигли соглашения по характеру и объему произведенного истцом ремонта, не могло исключать обязанности последней по участию в издержках по содержанию и сохранению жилого помещения в результате осуществления его ремонта. Это судебными инстанциями учтено не было.

Определение № 11-КГ17-37

Разрешение споров, возникающих из отношений по страхованию

2. Убытки страхователя вследствие несвоевременной выплаты ему страхового возмещения могут быть отнесены на страховщика.

Страховщик, опровергающий причинную связь между своими действиями и возникновением у страхователя убытков, обязан доказать обратное.

Ф. обратился в суд с иском к страховой компании, указав в обоснование требований на то, что в связи с несвоевременным исполнением ответчиком своих обязательств по выплате страхового возмещения ему причинены убытки.

Судом установлено, что 1 апреля 2014 г. Ф. приобрел автомобиль, оплата за который произведена денежными средствами, полученными на основании кредитного договора, заключенного с банком. В соответствии с условиями кредитного договора в отношении приобретенного автомобиля между страховой компанией и Ф. заключен договор имущественного страхования по страховым рискам «ущерб + угон/хищение» сроком действия с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2015 г.

В связи с наступлением 1 и 2 декабря 2014 г. страхового случая в виде возгорания застрахованного транспортного средства Ф. 6 декабря 2014 г. обратился к страховщику с заявлением о страховой выплате, в удовлетворении которого было отказано.

Фактическая выплата страхового возмещения страховщиком произведена 4 апреля 2016 г. на основании вступившего в законную силу решения суда, Ф. кредит погашен в полном объеме 6 апреля 2016 г. В период с момента наступления у ответчика обязанности по страховой выплате и до дня исполнения данной обязанности Ф. выплачены банку проценты по кредитному договору в сумме 204 737,56 руб.

Решением суда со страховой компании в пользу Ф. взысканы убытки в размере 204 737,98 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда, штраф. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции в части удовлетворения исковых требований Ф. о взыскании убытков, штрафа, компенсации морального вреда отменено. В указанной части по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Решение суда в части взыскания со страховой организации процентов за пользование чужими денежными средствами и государственной пошлины изменено: в пользу Ф. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Принимая данное определение, суд апелляционной инстанции указал, что кредитный договор от 1 апреля 2014 г. не содержит условий об освобождении заемщика от исполнения обязательств по уплате банку процентов за пользование кредитом в случае наступления страхового события и обязанности страховой компании по возмещению ущерба, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика и необходимостью несения истцом расходов на уплату процентов за пользование кредитом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (п. 1). Убытки определяются в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 15 данного кодекса. Возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (п. 2).

Как следует из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», по смыслу ст. 15 и 393 ГК РФ, кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками. Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо

учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

Должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

Вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником. Если должник несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности, например обстоятельств непреодолимой силы (п. 2 и 3 ст. 401 ГК РФ).

Истец в обоснование требований о возмещении убытков ссылался на то, что 1 апреля 2014 г. между ним и страховой компанией был заключен договор страхования приобретенного в кредит автомобиля, по которому страхователем являлся истец, а выгодоприобретателем — банк, выдавший кредит на приобретение транспортного средства.

Таким образом, по условиям договора страховое возмещение при наличии на момент страхового случая задолженности Ф. перед банком подлежало выплате в том числе банку для погашения задолженности.

Следовательно, в обычных условиях гражданского оборота с учетом условий договора страхования, заключенного между истцом и ответчиком, страховщик обязан был перечислить страховое возмещение или его часть банку-выгодоприобретателю в размере, соответствующем задолженности по кредитному договору на момент страхового случая. В случае если банк как выгодоприобретатель отказался от получения страховой выплаты, то данная выплата подлежала взысканию в пользу Ф. как страхователя для последующего погашения задолженности. При этом в соответствии с Правилами добровольного страхования транспортных средств, утвержденными страховщиком, страховое возмещение, часть которого должна была быть направлена на погашение задолженности Ф. по кредитному договору, подлежало перечислению не позднее 55 дней с момента получения страховой компанией всех необходимых документов.

При рассмотрении вопроса о том, были ли причинены Ф. убытки выплатой страховщиком страхового возмещения позже определенного Правилами страхования срока, суду следовало иметь в виду, что в результате ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязанностей истец смог погасить долг банку по прошествии 13 месяцев после страхового случая и

в течение этого времени вынужден был платить проценты за пользование заемными средствами. В том случае, если бы страховщиком страховое возмещение было выплачено своевременно, на что вправе был рассчитывать истец, у него не возникло бы необходимости обслуживать кредит и выплачивать излишние проценты, которые он расценивал как убытки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что суд апелляционной инстанции неправильно истолковал нормы материального права и неверно определил взаимосвязь между поведением ответчика и необходимостью истца нести дополнительные расходы на обслуживание кредита.

Рассматривая позицию ответчика, возражавшего против иска со ссылкой на то, что страховое возмещение не выплачивалось длительное время, поскольку страхователь несвоевременно представил все необходимые для выплаты документы, и что отсутствовало заявление выгодоприобретателя, суд апелляционной инстанции должен был учесть следующее.

В силу ст. 309 и 310 ГК РФ обязательства должны исполняться в соответствии с условиями обязательства, односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается.

Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитором убытков и представить доказательства того, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Из указанных норм права следует, что именно на должнике, а не на кредиторе лежит первичная обязанность совершения необходимых действий и принятия разумных мер по исполнению обязательства.

Предполагается, что в случае возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля должника и препятствующих исполнению им обязательства, он освобождается от ответственности, если у него отсутствует возможность принять разумные меры для устранения таких обстоятельств. При этом должник должен незамедлительно сообщить кредитору о наличии таких обстоятельств после того, как ему стало о них известно.

Судом установлено, что Ф. подал документы для выплаты страхового возмещения 6 декабря 2014 г. Страховая компания уведомила истца о необходимости представления дополнительных документов только письмом от 7 апреля 2015 г., которое Ф. получил 28 мая 2015 г. Каких-либо сообщений об отказе в страховой выплате по причине отсутствия заявления выгодоприобретателя страховщик не направлял, а указанный довод как основание невыплаты появился только в процессе судебного спора.

В связи с этим суду апелляционной инстанции следовало дать оценку действиям страховой компании, в частности обсудить, привели ли они к необоснованной задержке при выплате страхового возмещения.

Определение № 5-КГ18-17

3. Страхователь вправе требовать от страховщика, нарушившего обязательство по проведению восстановительного ремонта транспортного средства, выплаты стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

Возражение ответчика о недоказанности страхового случая не может служить основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке, если в суде первой инстанции факт наступления страхового случая не оспаривался, а имел место спор только о размере страхового возмещения.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта автомобиля, утраты его товарной стоимости, неустойки, штрафа и судебных расходов. В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего истцу автомобиля на срок с 8 февраля 2015 г. по 7 февраля 2016 г. по страховым рискам «ущерб + хищение». Страховая сумма составляет 855 913 руб., форма выплаты страхового возмещения определена сторонами путем ремонта транспортного средства на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

10 августа 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден.

11 августа 2015 г. М. обратился в центр урегулирования убытков страховщика для подачи заявления о страховом случае, однако в принятии заявления ему было отказано. В этот же день заявление о страховом случае было истцом направлено по электронной почте, а 2 сентября 2015 г. направлена претензия.

В связи с отказом ответчика принять заявление и оценить размер ущерба истец был вынужден обратиться в обслуживающий дилерский центр, который произвел оценку стоимости восстановительного ремонта.

М. просил взыскать убытки в размере стоимости восстановительного ремонта — 540 600 руб., утрату товарной стоимости автомобиля — 5790 руб. 25 коп., неустойку за просрочку исполнения обязательства в размере 163 650 руб. 57 коп., штраф за неудовлетворение в добровольном порядке требования потребителя, стоимость восстановления государственного регистрационного знака, возместить убытки, связанные с оформлением документов, и судебные расходы.

Решением суда иски удовлетворены частично. С ответчика в пользу М. взыскано в счет стоимости восстановительного ремонта 475 498 руб. 47 коп., в счет утраты товарной стоимости автомобиля — 5790 руб. 25 коп., неустойка в размере 163 650 руб. 57 коп., штраф, судебные расходы. В удовлетворении требования о взыскании стоимости

восстановления государственного регистрационного знака отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя иски требования М. частично, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай имел место, факт обращения истца к страховщику с заявлением о страховом случае и выплате возмещения, а также с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств установлен. Доказательств рассмотрения заявления истца и оснований для отказа в страховой выплате страховщик не представил. Размер ущерба определен по результатам назначенной судом экспертизы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что страховой случай имел место, но по условиям договора между истцом и ответчиком страховая выплата должна производиться путем ремонта автомобиля на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика. Истцом не представлено доказательств обращения к ответчику с заявлением установленной формы с подробным изложением всех известных обстоятельств происшествия, представления страховщику на осмотр застрахованного транспортного средства, а также доказательств того, что страховая компания отказала истцу в принятии его документов. По мнению суда, истец избрал ненадлежащий способ защиты своего права, расходов на ремонт транспортного средства он не понес, оснований для изменения условий договора путем выплаты денежной суммы вместо ремонта не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

По общему правилу, установленному п. 3 ст. 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», обязательство по выплате страхового возмещения является денежным.

Согласно п. 4 названной статьи условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, — организацией и (или)

оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

В соответствии со ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения (п. 1).

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2).

Согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» (далее — постановление Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20), если договором добровольного страхования предусмотрен восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, осуществляемый за счет страховщика, то в случае неисполнения обязательства по производству восстановительного ремонта в установленные договором страхования сроки страхователь вправе поручить производство восстановительного ремонта третьим лицам либо произвести его своими силами и потребовать от страховщика возмещения понесенных расходов в пределах страховой выплаты.

Таким образом, в случае нарушения страховщиком обязательства произвести ремонт транспортного средства страхователь вправе потребовать возмещения стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что при указанных выше обстоятельствах у истца отсутствует право требовать выплаты стоимости восстановительного ремонта, противоречит приведенным нормам права и постановлению Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20.

Согласно ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в условленный срок и указанным в договоре способом.

Неисполнение обязанности, предусмотренной п. 1 данной статьи, дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения, если не будет доказано, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не могло сказаться на его обязанности выплатить страховое возмещение.

В пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 20 разъяснено, что на страхователя возлагается обязанность лишь по уведомлению о наступлении страхового случая определенным способом и в определенные сроки. Обязанность по представлению одновременно с этим уведомлением всех необходимых документов на страхователя (выгодоприобретателя) законом не возлагается.

При этом страхователь или выгодоприобретатель имеет возможность оспорить отказ страховщика в выплате страхового возмещения, предъявив доказательства того, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не повлияло на его возможность определить, действительно ли имел место страховой случай и какова сумма причиненного ущерба (п. 2 ст. 961 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 401 названного кодекса отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» указано, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23.1, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Судом апелляционной инстанции приведенные положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не учтены.

Из установленных обстоятельств дела следует, что истец обращался в страховую компанию с заявлением, в котором сообщил о страховом случае, и с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств, ответчиком же не представлено каких-либо доказательств того, что им предпринимались меры к исполнению обязательств, однако это стало невозможным из-за ненадлежащего поведения истца.

Определение № 49-КГ17-19

Разрешение споров, связанных с реализацией товаров, работ и услуг

4. При рассмотрении требований о взыскании убытков и компенсации морального вреда за непредоставление покупателю надлежащей информации при продаже биологически активных добавок следует

учитывать специальные правила, установленные для их рекламы и реализации, а также то, что обязанность доказать соблюдение этих правил возложена законом на продавца.

К., 1936 года рождения, обратилась в суд с иском к торговой компании о взыскании уплаченных по договору денежных средств и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что в апреле 2016 г. по радио услышала рекламную информацию о продаже торговой компанией лекарственных препаратов. После ее звонка представители компании, уточнив перечень заболеваний, порекомендовали приобрести у них лекарства стоимостью 170 000 руб. По устной договоренности торговая компания приняла на себя обязательство курьером доставлять по адресу истца заказанные лекарственные препараты, а истец обязалась их оплачивать. Согласно квитанциям (чекам) за доставленные препараты истец в общей сложности заплатила 365 000 руб. В ходе приема препаратов улучшений в самочувствии истца не произошло.

Поскольку, по мнению К., ответчик ввел ее в заблуждение, побудив приобрести не лекарственные препараты, а биологически активные добавки (далее — БАД), истец просила суд взыскать в ее пользу с торговой компании стоимость оплаченных препаратов, компенсацию морального вреда и судебные расходы.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Статьей 10 Закона о защите прав потребителей установлено, что изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Отказывая К. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец не доказала факт непредоставления ей надлежащей информации о приобретаемых препаратах.

Таким образом, в нарушение прямых указаний закона и разъяснений, содержащихся в п. 28, 44 и 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», обязанность доказывать непредоставление надлежащей информации была возложена на не обладающего специальными познаниями истца, в то время как факт предоставления надлежащей информации в доступной для истца форме обязан был доказывать ответчик.

Так, суды сослались только на имеющиеся в материалах дела свидетельства о государственной регистрации продукции и сертификаты соответствия единым санитарно-эпидемиологическим и гигиеническим требованиям к товарам. Между тем в данных документах отсутствует какая-либо информация о составе реализуемых ответчиком препаратов, их свойствах, побочных действиях, назначении, способе применения, противопоказаниях, предполагаемом эффекте от применения и т.п.

Каких-либо иных доказательств, подтверждающих то, что до истца в доступной для нее форме была доведена информация, в частности, о потребительских свойствах товара, в судебных постановлениях не содержится, и в материалах дела таких сведений нет.

Кроме того, судами не учтено, что в отношении БАД нормативными актами установлен ряд обязательных требований к информации о них.

В частности, в соответствии с п. 4.13.1 Методических указаний «2.3.2. Пищевые продукты и пищевые добавки. Определение безопасности и эффективности биологически активных добавок к пище» (МУК 2.3.2.721-98), утвержденных Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 15 октября 1998 г., расфасованные и упакованные БАД к пище должны иметь этикетки, на которых на русском языке указываются: наименование продукта и его вид; номер технических условий (для отечественных БАД); область применения; название организации-изготовителя и ее юридический адрес (для импортируемых на территорию Российской Федерации продуктов — страна происхождения и наименование фирмы-изготовителя); вес и объем продукта; наименование входящих в состав продуктов ингредиентов, включая пищевые добавки; пищевая ценность (калорийность, белки, жиры, углеводы, витамины, микроэлементы); условия хранения; срок годности и дата изготовления; способ применения (в случае, если требуется дополнительная подготовка БАД); рекомендации по применению, дозировка; противопоказания к использованию и побочные действия (при необходимости); особые условия реализации (при необходимости).

Аналогичные требования к упаковке БАД и информации, нанесенной на этикетку, содержатся в п. 4.3 и 4.4 постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 50 «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.3.2.1290-03».

Пунктом 4.5 названного постановления предусмотрено, что указанная выше информация доводится до сведения потребителей в любой доступной для прочтения потребителем форме.

Кроме того, в соответствии с СанПин 2.3.2.1290-03 «Гигиенические требования к организации производства и оборота биологически активных добавок к пище (БАД)», утвержденными постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 50, продажа БАД дистанционным способом не допускается.

Также Правилами продажи отдельных видов товаров, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 55, установлено, что разносная торговля БАД как пищевыми продуктами не допускается.

В статье 25 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» установлено, что реклама БАД и пищевых добавок не должна: создавать впечатление о том, что они являются лекарственными средствами и (или) обладают лечебными свойствами; содержать ссылки на конкретные случаи излечения людей, улучшения их состояния в результате применения таких добавок; содержать выражение благодарности физическими лицами в связи с применением таких добавок; побуждать к отказу от здорового питания; создавать впечатление о преимуществах таких добавок путем ссылки на факт проведения исследований, обязательных для государственной регистрации таких добавок, а также использовать результаты иных исследований в форме прямой рекомендации к применению таких добавок (ч. 1).

Реклама БАД в каждом случае должна сопровождаться предупреждением о том, что объект рекламирования не является лекарственным средством. В данной рекламе, распространяемой в радиопрограммах, продолжительность такого предупреждения должна составлять не менее чем три секунды, в рекламе, распространяемой в телепрограммах, при кино- и видеообслуживании, — не менее чем пять секунд, и такому предупреждению должно быть отведено не менее чем 7% площади кадра, а в рекламе, распространяемой другими способами, — не менее чем 10% рекламной площади (пространства) (ч. 1.1).

Положения приведенных нормативных актов с учетом доводов истца о недобросовестной рекламе, о реализации ей под видом лекарств биологически активных добавок к пище, о непредоставлении надлежащей информации о них в силу ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) обязывали суд определить в качестве обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора, вопросы о соблюдении ответчиком обязательных требований к рекламе и реализации таких БАД с соответствующим распределением обязанностей по доказыванию. Однако эти требования судами были нарушены, что привело к неправильному разрешению спора.

Определение № 5-КГ17-146

5. Убытки, причиненные заказчику вследствие устранения им самостоятельно недостатков работы, выполненной по договору подряда, подлежат возмещению исполнителем.

Общество в интересах И. обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее — ИП) о возмещении убытков, компенсации морального вреда и взыскании штрафа в размере 50% от присужденной денежной суммы.

В обоснование заявленных требований указано, что между И. как заказчиком и ИП как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался организовать и произвести квалифицированные строительные работы для устройства фундамента согласно прилагаемым к договору эскизным чертежам и смете. Стоимость работ по указанному договору была полностью оплачена заказчиком. После завершения работ по договору подряда истец отказалась их принять в связи с недостатками возведенного фундамента и предъявила ИП претензию с требованием устранить эти недостатки, которая в добровольном порядке удовлетворена не была. В связи с этим И. устранила указанные недостатки за свой счет.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции исходил из того, что ИП выполнил работы по договору подряда с недостатками, в связи с чем он обязан возместить И. расходы на устранение этих недостатков и убытки, причиненные истцу вследствие недостатков выполненной работы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что после обнаружения недостатков выполненной ИП работы у И. возникло право устранить эти недостатки за свой счет и потребовать возмещения ответчиком расходов, понесенных на такое устранение, однако этим правом истец не воспользовалась. Суд также сослался на то, что после устранения недостатков фундамента И. продолжила строительство на этом фундаменте, не проявив должную осмотрительность и не убедившись в допустимости такого строительства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, указав следующее.

В пункте 1 ст. 14 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме.

Право потребителя на полное возмещение убытков, причиненных ему вследствие недостатков выполненной работы, предусмотрено также в п. 1 ст. 29 названного закона.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении

судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», убытки, причиненные потребителю в связи с нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав, подлежат возмещению в полном объеме, кроме случаев, когда законом установлен ограниченный размер ответственности. Под убытками в соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ следует понимать расходы, которые потребитель, чье право нарушено, произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые потребитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что на исполнителя возлагается ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие недостатков выполненной работы.

Судом установлено, что предусмотренные договором подряда работы выполнены ИП с недостатками.

При таких обстоятельствах для правильного разрешения спора суду апелляционной инстанции следовало дать оценку вопросу о наличии либо об отсутствии причинно-следственной связи между указанными недостатками и понесенными истцом убытками, а также определить размер этих убытков с разумной степенью достоверности.

Однако в нарушение ст. 196 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не дал оценки этим юридически значимым обстоятельствам, формально сославшись на то, что после выявления недостатков фундамента истец продолжила строительство дома.

Согласно п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать:

- безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);
- соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);
- безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь;
- возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

Из приведенной правовой нормы следует, что при обнаружении недостатков выполненной работы потребитель вправе своими силами или с привлечением третьих лиц устранить такие недостатки, потребовав у подрядчика возмещения расходов, понесенных на их устранение.

Как установлено судом, после обнаружения недостатков выполненной ИП работы И. неоднократно обращалась к нему с требованиями об устранении этих недостатков, которые ответчик в добровольном

порядке не удовлетворил, после чего истец устранила указанные недостатки за свой счет с привлечением третьих лиц.

Обращение И. в суд с иском к ИП о возмещении расходов на устранение недостатков работы является способом защиты права истца, предусмотренного Законом о защите прав потребителей, на возмещение данных расходов.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, указавшим, что И. названным правом не воспользовалась.

Определение № 41-КГ17-25

б. Доказать факт возникновения недостатков выполненной работы (оказанной услуги) до ее принятия или по причинам, возникшим до этого момента, обязан заказчик.

Общество обратилось в суд в интересах Д. к ИП о взыскании денежных средств за некачественно оказанную услугу, двукратной стоимости испорченных предметов одежды, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа в соответствии с Законом о защите прав потребителей.

Судом по делу установлено, что 12 января 2016 г. между истцом Д. и ИП заключен договор об оказании услуг по химической чистке платья и мужских брюк. Данная услуга истцом оплачена.

После химической чистки и получения названных изделий Д. дважды (12 и 17 февраля 2016 г.) обращался к ответчику с претензией о выплате двукратной стоимости изделий, в которой указал, что после проведенных работ по химической чистке на платье появилось белое пятно, брюки уменьшились в размере и потеряли первоначальный цвет, то есть ИП оказана услуга ненадлежащего качества. Однако требование потребителя в добровольном порядке удовлетворено не было.

Разрешая спор и удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что ответчиком оказана услуга по химической чистке изделий ненадлежащего качества, вследствие чего использование этих предметов одежды по назначению невозможно, при этом имеется прямая причинно-следственная связь между действиями ИП и возникшими в принадлежащих Д. изделиях дефектами. Также суд указал, что ответчиком не представлено доказательств того, что выявленные дефекты возникли по вине истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов основанными на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 730 ГК РФ по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности

заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

Согласно п. 1 ст. 721 названного кодекса качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а при отсутствии или неполноте условий договора требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода.

К отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным ГК РФ, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними (п. 3 ст. 730 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 35 Закона о защите прав потребителей, если работа выполняется полностью или частично из материала (с вещью) потребителя, исполнитель отвечает за сохранность этого материала (вещи) и правильное его использование.

В случае полной или частичной утраты (повреждения) материала (вещи), принятого от потребителя, исполнитель обязан в трехдневный срок заменить его однородным материалом (вещью) аналогичного качества и по желанию потребителя изготовить изделие из однородного материала (вещи) в разумный срок, а при отсутствии однородного материала (вещи) аналогичного качества — возместить потребителю двукратную цену утраченного (поврежденного) материала (вещи), а также расходы, понесенные потребителем.

Пунктом 14 Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 августа 1997 г. № 1025, установлено, что потребитель обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором, с участием исполнителя осмотреть и принять выполненную работу (ее результат). При обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе потребитель должен немедленно заявить об этом исполнителю. Указанные недостатки должны быть описаны в акте либо в ином документе, удостоверяющем приемку.

Потребитель, обнаруживший после приемки работы отступления в ней от договора или иные недостатки, которые не могли быть установлены при обычном способе приемки (скрытые недостатки), в том числе такие, которые были умышленно скрыты исполнителем, обязан известить об этом исполнителя в разумный срок по их обнаружении.

Согласно п. 18 названных правил при получении изделия из химической чистки потребитель обязан проверить сохранность исходной формы, целостность, размеры, цвет, рисунок, рельефность.

В соответствии с п. 3 и 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе предъявлять требования, связанные с недостатками выполненной работы (оказанной услуги), если они обнаружены в течение гарантийного срока, а при его отсутствии в разумный срок, в пределах двух лет со дня принятия выполненной работы (оказанной услуги) или пяти лет в отношении недостатков в строении и ином недвижимом имуществе. Исполнитель отвечает за недостатки работы (услуги), на которую не установлен

гарантийный срок, если потребитель докажет, что они возникли до ее принятия им или по причинам, возникшим до этого момента.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17, при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере).

Исключения составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, был ли установлен на товар (работу, услугу) гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков (п. 6 ст. 18, п. 5 и 6 ст. 19, п. 4, 5 и 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Таким образом, непредъявление потребителем требований, связанных с недостатками оказанной услуги, при принятии услуги или в ходе ее оказания не исключает ответственности исполнителя работ за выявленные недостатки, если потребитель докажет, что они возникли до принятия им результатов работ или по причинам, возникшим до этого момента (п. 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Как следует из содержания квитанции от 12 января 2016 г., изделия после выполнения услуги по химчистке приняты заказчиком без указания каких-либо недостатков.

В целях выяснения причин образования дефектов на изделиях судом первой инстанции была назначена судебно-товароведческая экспертиза, согласно выводам которой белесое пятно на платье образовалось в результате локального протирания поверхности платья отбеливающим средством, выделяющим хлор, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте платья — изделие не должно подвергаться отбеливанию средствами, выделяющими хлор. Мужские брюки имеют усадку на 2 размера и деформацию швов в виде «гармошки». Усадка брюк и деформация швов на них произошли в результате глажки утюгом, нагретым до температуры 200 °С, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте брюк — гладить при температуре не более 110 °С.

Однако заключение эксперта, положенное в основу решения суда, не содержит выводов относительно конкретного времени образования обнаруженных дефектов, что оставлено без внимания и оценки суда апелляционной инстанции.

Кроме того, никакой правовой оценки не дано тому обстоятельству, что после выдачи изделий истцу они находились у владельцев и могли использоваться до 12 февраля 2016 г., когда Д. в адрес ИП направлена претензия о выявленных дефектах.

Ответчик в ходе рассмотрения дела ссылался на отсутствие нарушения им порядка оказания услуг по хим-

чистке изделий и на то, что передал изделия заказчику после химчистки без недостатков, указанных истцом. Вопреки приведенным выше требованиям Закона о защите прав потребителей и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации эти доводы ИП истцом, на которого должно быть возложено бремя доказывания возникновения недостатков до принятия результатов услуг или по причинам, возникшим до этого момента, не опровергались, доказательств в обоснование своей позиции истец не представил. Более того, суд апелляционной инстанции незаконно возложил на ответчика бремя доказывания того обстоятельства, что дефекты в сданных вещах возникли не в процессе чистки, а после их передачи заказчику.

Определение № 18-КГ18-15

7. При совершении нотариальных действий навязывание гражданам дополнительных услуг правового или технического характера недопустимо.

Н. обратился в суд с заявлением о признании требований нотариуса Р. оплатить денежные средства за дополнительные услуги правового и технического характера незаконными, о возложении на нотариуса обязанности выдать свидетельство о праве на наследство по закону и свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов.

Как установлено судом и следует из материалов дела, Н. является наследником по закону первой очереди своей супруги В., умершей 9 октября 2016 г.

20 декабря 2016 г. Н. обратился к занимающейся частной практикой нотариусу Р. с заявлением о принятии наследства и выдаче свидетельства о праве на наследство на имущество, приложив к заявлению все необходимые документы. Заявление нотариусом принято и зарегистрировано, заведено наследственное дело.

22 июня 2016 г. Н. обратился к нотариусу Р. с заявлениями о выдаче свидетельства о праве собственности на имущество, нажитое в браке с умершей супругой, и свидетельства о праве на наследство по закону на имущество, состоящее из 1/2 доли в праве собственности на квартиру и 1/2 доли в праве собственности на гараж.

В указанную дату к нотариусу также обратился сын наследодателя с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на оставшуюся 1/2 доли в праве собственности на данное имущество.

За выдачу указанных выше документов нотариус потребовала от Н. оплатить нотариальный тариф в размере 11 476 руб.

На заявления Н. с просьбой обосновать суммы пошлин нотариусом было сообщено о том, что размеры нотариальных тарифов на 2017 г. за оказание правовых и технических услуг, в том числе за выдачу свидетельств о праве на наследство и свидетельств о праве собственности пережившим супругам, установлены правлением нотариальной палаты субъекта Российской Федерации на основании предельных размеров платы за оказание нотариусами услуг

правового и технического характера, установленных Федеральной нотариальной палатой. С указанными размерами и порядком их расчета можно ознакомиться на официальном сайте нотариальной палаты, на информационных стендах в любых нотариальных конторах субъекта Российской Федерации.

Из пояснений нотариуса Р. на жалобу Н., поступившую к ней из нотариальной палаты, видно, что размер рассчитанного ею нотариального тарифа состоит из государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве собственности пережившего супруга на долю в квартире в размере 200 руб., свидетельства о праве собственности пережившего супруга на долю в гараже в размере 200 руб., свидетельства о праве на наследство по закону на долю в гараже в размере 76 руб. (0,3% стоимости имущества), а также платы за оказание услуг правового и технического характера за выдачу указанных свидетельств в сумме 11 000 руб.

Указанные выше нотариальные действия совершены не были в связи с отказом Н. оплатить оказание услуг правового и технического характера, поскольку данное требование нотариуса он считал незаконным, утверждая, что данные услуги ему не оказывались, он в них не нуждался, самостоятельно подготовил все необходимые документы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что действующее законодательство не содержит запрета на предоставление нотариусами услуг правового и технического характера и получение платы за оказание данных услуг. Выполнение работ правового и технического характера, являющихся неотъемлемым элементом нотариального действия, не может расцениваться как навязанные услуги, поскольку без данных услуг не может возникнуть юридическое последствие в виде оформленного нотариального акта.

При этом суд указал на то, что с какими-либо заявлениями об отказе от предоставления услуг правового и технического характера до истечения шести месяцев Н. не обращался и от предоставления таких услуг не отказывался, постановления об отказе в совершении нотариального действия нотариус не выносила, в связи с чем с момента принятия заявления о принятии наследства нотариус фактически предоставляла Н. услуги правового и технического характера, которые должны быть оплачены.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Из положений ст. 1, 22, 22.1 и 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее — Основы законодательства о нотариате) следует, что финансовое обеспечение деятельности нотариусов предусматривает оплату нотариальных действий, услуг, оказываемых при осуществлении нотариальной деятельности, включая услуги правового и технического характера,

другие финансовые поступления, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Действующее законодательство не содержит запретов для нотариусов оказывать услуги правового и технического характера и взимать за них плату независимо от нотариального тарифа.

Главой VIII Основ законодательства о нотариате предусмотрены виды совершаемых нотариальных действий. При этом услуги правового и технического характера, оказываемые нотариусами гражданам и юридическим лицам, в качестве нотариального действия не называются.

Как указано в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 272-О-О, предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера по своей сути являются дополнительными (факультативными) по отношению к нотариальным действиям, содержание которых определяется законодательством.

Так, в соответствии со ст. 9, 16, 48 и 50 Основ законодательства о нотариате нотариус при совершении нотариальных действий обязан обеспечить их законность, соблюдать правила ведения делопроизводства (включая требования к ведению реестра и наследственного дела), оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий. Реализация нотариусами этих публичных обязанностей в ходе совершения нотариальных действий не может одновременно рассматриваться в качестве оказания ими услуг правового и технического характера.

Лицо, обратившееся к нотариусу, не связано необходимостью получения от нотариуса, помимо нотариальных действий, дополнительно услуг правового или технического характера. Получение этих услуг для лица, обратившегося к нотариусу, носит исключительно добровольный характер: при его несогласии с формой, структурой, размерами оплаты этих услуг и прочими условиями такие услуги не оказываются, а их навязывание нотариусом недопустимо. Лицо, обратившееся к нотариусу, вправе при необходимости самостоятельно осуществлять соответствующие действия.

Правовая позиция о том, что услуги правового и технического характера, оказываемые гражданам нотариусами, не являются тождественными нотариальным действиям, не входят в содержание нотариальных действий, их получение зависит от согласия лица, обратившегося к нотариусу, высказана Верховным Судом Российской Федерации в решении от 22 мая 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. по делу № АКПИ17-193 о проверке в порядке нормоконтроля приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 313 «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных над-

писей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления».

Таким образом, выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что дополнительные услуги правового и технического характера являются неотъемлемым элементом всех нотариальных действий, признаны Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации противоречащими действующему законодательству.

Суды не учли, что в соответствии с законом предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера не являются обязательными, они не входят в содержание нотариальных действий, определяемых в соответствии со ст. 9, 16, 48, 50 Основ законодательства о нотариате, что их получение в конкретной правовой ситуации зависит от согласия лица, обратившегося к нотариусу.

Из дела видно, что Н. были самостоятельно изготовлены все необходимые для открытия наследственного дела документы, нотариус Р. была поставлена им в известность об отказе в получении дополнительных услуг и их оплате.

Н. в установленной законом форме подал нотариусу заявление о принятии наследства, но в получении свидетельств о праве на наследство и о праве собственности ему было отказано в устной форме по причине его отказа оплатить услуги правового и технического характера. При этом, какие именно услуги были ему оказаны и почему на это не было получено согласие заявителя, нотариус Р. не разъяснила.

В соответствии со ст. 48 Основ законодательства о нотариате нотариус отказывает в совершении нотариального действия, если: совершение такого действия противоречит закону; действие подлежит совершению другим нотариусом; с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин либо представитель, не имеющий необходимых полномочий; сделка, совершаемая от имени юридического лица, противоречит целям, указанным в его уставе или положении; сделка не соответствует требованиям закона; документы, представленные для совершения нотариального действия, не соответствуют требованиям законодательства.

Указанный в данной статье перечень оснований для отказа в совершении нотариального действия является исчерпывающим, не подлежит расширительному толкованию.

Определение № 31-КГ18-3

Разрешение споров, связанных с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов

8. В случае просрочки исполнения обязательства по строительству квартиры и передаче ее гражданину согласованная сторонами сделки сумма доплаты за объект недвижимости в иностранной валюте подлежит расчету исходя из курса иностранной валюты по отношению к рублю на день платежа, установленный

в договоре. Издержки, вызванные курсовой разницей валют, относятся на лицо, просрочившее исполнение.

Общество в интересах С. обратилось в суд с иском к обществу с требованиями о возложении на ответчика обязанности передать С. по договору купли-продажи квартиру и произвести регистрацию права собственности истца на указанную квартиру, а также с требованиями определить сумму доплаты за квартиру по курсу доллара к рублю на момент установленного сторонами срока завершения строительства, о взыскании в пользу С. неустойки и признании условий дополнительного соглашения не действительными в части.

В обоснование требований указано, что 23 августа 2006 г. между С. и обществом заключен договор, именуемый договором займа, по условиям которого истец передала ответчику денежные средства в размере 10 956 700 руб. со сроком возврата не позднее 31 декабря 2010 г. Вместе с тем дополнительным соглашением от того же дня — 23 августа 2006 г. — установлено погашение задолженности путем предоставления С. в строящемся доме трехкомнатной квартиры. Для случаев уменьшения или увеличения в процессе строительства площади квартиры стоимость квадратного метра определена в размере 3120 долл. США, ориентировочный срок окончания строительства — IV квартал 2009 г. Дополнительными соглашениями от 3 октября 2011 г. срок возврата займа определен не позднее 31 декабря 2013 г., а ориентировочный срок окончания строительства — IV квартал 2012 г.

Письмом от 10 февраля 2016 г. С. проинформирована о начале течения срока передачи квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи с оплатой дополнительной площади.

29 февраля 2016 г. С. в адрес ответчика направлена претензия о несогласии с доплатой за квартиру в сумме 29 029 долл. США, в которую входит стоимость услуг по оформлению жилого помещения в собственность — 4069 долл. США и 24 960 долл. США — за увеличение площади квартиры на 8 кв. м по курсу на день оплаты.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права.

В пункте 13 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 г., содержится разъяснение о том, что при рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных на сделках, связанных с передачей гражданам денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости)

сти) в собственность, но совершенных в нарушение требований Закона № 214-ФЗ <1>, независимо от наименования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон. В таких случаях, если судом установлено, что сторонами при совершении сделки, не отвечающей указанным требованиям, действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве, к сделке применяются положения Закона № 214-ФЗ, в том числе меры ответственности, им предусмотренные.

<1> Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу с 1 апреля 2005 г. (далее по тексту — Закон № 214-ФЗ), в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений.

В соответствии со ст. 4 Закона № 214-ФЗ по договору участия в долевом строительстве одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Согласно ч. 2 ст. 6 данного федерального закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная названной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере. В случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства вследствие уклонения участника долевого строительства от подписания передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства застройщик освобождается от уплаты участнику долевого строительства неустойки (пени) при условии надлежащего исполнения застройщиком своих обязательств по такому договору.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что ответчик является застройщиком, осуществляющим строительство многоквартирного дома, стороны одновременно заключили и договор, именуемый договором займа, и дополнительное соглашение к нему, по которому встречным обязательством ответчика

является предоставление истцу квартиры в возводимом ответчиком многоквартирном жилом доме. При этом истцом ответчику внесена сумма, равная стоимости строительства квартиры, с учетом возможности ее корректировки в зависимости от увеличения или уменьшения площади квартиры в процессе строительства, сторонами согласованы параметры строящейся квартиры, а также сроки строительства и передачи квартиры истцу.

Данные обстоятельства судебные инстанции не учли и не применили закон, подлежащий применению к этим отношениям.

Дополнительным соглашением сторон от 3 октября 2011 г. к дополнительному соглашению к договору займа от 23 августа 2011 г. срок окончания строительства изменен на IV квартал 2012 г.

Судом установлено, что письмо о готовности квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи до 27 апреля 2016 г. с доплатой в размере 29 029 долл. США направлено С. 10 февраля 2016 г. и получено последней 18 февраля 2016 г.

Таким образом, со стороны ответчика имела место просрочка в исполнении обязательства по строительству квартиры и передаче ее истцу.

Между тем требования С. о взыскании неустойки и ее зачете в счет доплаты за увеличение площади квартиры судами не рассмотрены.

В соответствии со ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны.

Право на неустойку согласно приведенным выше положениям Закона № 214-ФЗ возникает у участника строительства с момента нарушения застройщиком предусмотренных договором сроков.

Согласия ответчика на зачет неустойки не требовалось, заявление истца о зачете являлось достаточным, а суду следовало определить размер неустойки, подлежащей зачету.

Отказывая в иске, судебные инстанции не учли, что по условиям договора обязательство о доплате истец должна была исполнить после окончания ответчиком строительства дома и производства обмеров построенной квартиры, это обязательство не было исполнено ею вследствие нарушения ответчиком сроков строительства, а впоследствии из-за возникшего между сторонами спора.

Поскольку по данному делу возник спор о размере взаимных обязательств сторон по договору, суду следовало определить размер этих обязательств для обеих сторон.

Так, в пункте 58 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъ-

яснено, что в случае спора о размере встречного исполнения истца, если суд установит, что неисполнение с его стороны носило незначительный характер, суд вправе удовлетворить иск об исполнении ответчиком обязательства в натуре, определив объем подлежащего истцом исполнения.

Кроме того, при решении вопросов, связанных с установлением объема денежных обязательств, судебными инстанциями неправильно применены нормы материального права.

В соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (эко, «специальных правах заимствования» и др.). В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон.

При определении дня платежа и, соответственно, курса валюты следует иметь в виду, что согласно ст. 309 названного кодекса обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В пункте 1 ст. 406 этого же кодекса установлено, что кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства.

Как указано выше, обязательство о доплате, в том числе за увеличение площади квартиры, истец не могла исполнить до завершения ответчиком строительства и производства обмеров.

Заклячая договор, предусматривающий платежи в рублях в сумме, эквивалентной сумме в иностранной валюте, а также дополнительное соглашение к нему, стороны предусмотрели, что строительство будет окончено в IV квартале 2012 г., после чего квартира по договору купли-продажи будет передана истцу в течение 100 дней.

Из установленных судом обстоятельств следует, что со стороны ответчика имела место просрочка в строительстве подлежащего передаче истцу жилого помещения. До окончания строительства платежи истцом совершены быть не могли.

В силу приведенных положений п. 1 ст. 406 ГК РФ убытки, вызванные просрочкой исполнения обязательств, в том числе обусловленные изменением в этот период курса валют, должны быть отнесены на сторону, допустившую такую просрочку, а день платежа должен определяться исходя из условий договора при

надлежащем исполнении его стороной, являющейся кредитором в таком денежном обязательстве.

По смыслу приведенных норм права истец не должна быть поставлена в худшее положение, а допустивший просрочку ответчик — в лучшее по сравнению с тем, как если бы ответчик исполнил обязательство добросовестно и в срок.

Определение № 5-КГ17-117

9. Признание указанного в договоре об участии в долевом строительстве жилья срока исполнения обязательства застройщика технической ошибкой (опиской) возможно только лишь в случае, когда будет установлено, что обе стороны договора действительно имели в виду другой срок исполнения обязательства.

П. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа.

В обоснование своих требований истец указал, что стороны заключили договор участия в долевом строительстве, объектом которого является однокомнатная квартира. П. полностью оплатил стоимость объекта долевого строительства. Ссылаясь на неисполнение ответчиком своего обязательства по передаче квартиры в установленный договором срок — 30 декабря 2015 г., истец просил суд взыскать с ответчика в его пользу неустойку, компенсацию морального вреда, штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом.

Решением суда требования истца удовлетворены частично.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Одним из основополагающих принципов гражданского законодательства является принцип свободы договора, согласно которому граждане и юридические лица свободны в заключении договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ).

В соответствии со ст. 422 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

По смыслу приведенных выше законоположений свобода договора означает свободу волеизъявления сторонами договора на его заключение на определенных сторонами условиях. Стороны договора по собственному усмотрению решают вопросы о заключении договора и его содержании, обязаны исполнять договор надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства.

Статьей 309 ГК РФ предусмотрено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями

закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 214-ФЗ одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

На основании ч. 1 ст. 6 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства не позднее срока, предусмотренного договором и единого для участников долевого строительства, которым застройщик обязан передать объекты долевого строительства, входящие в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или в состав блок-секции многоквартирного дома, имеющей отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования, за исключением случая, установленного ч. 3 данной статьи, предусматривающей изменение установленного договором срока.

В силу ч. 2 ст. 6 названного закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная данной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 4 Закона № 214-ФЗ договор участия в долевом строительстве должен содержать срок передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства.

Из приведенных положений закона следует, что договор участия в долевом строительстве должен содержать условие о сроке передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику этого строительства, то есть это условие является существенным для такого договора.

Обращаясь в суд с иском, П. ссылался на то, что договор долевого участия в строительстве он заключал на условии передачи объекта долевого строительства до 30 декабря 2015 г.

Представитель ответчика Б. с иском не согласилась и в возражениях на иск и своих объяснениях в судебном заседании указала, что в тексте договора допущена описка в дате передачи квартиры, вместо 2016 г. ошибочно указан 2015 г.

Исходя из обоснования заявленных исковых требований и возражений против них юридически значимыми и подлежащими выяснению с учетом содержания спорных правоотношений сторон и подлежащих применению норм материального права обстоятельствами по данному делу являлись установление действительного волеизъявления сторон при заключении договора долевого участия в строительстве в части определения срока передачи объекта долевого строительства и надлежащее исполнение сторонами условий этого договора.

При этом единство воли истца и ответчика на установление иной даты передачи квартиры по договору участия в долевом строительстве, чем указанная в договоре, подлежало установлению судом на основании анализа всех фактических обстоятельств, подтверждающих реальность намерений сторон, а также оценки совокупности представленных доказательств.

Эти значимые для правильного разрешения дела обстоятельства судом апелляционной инстанции установлены не были. В нарушение требований ч. 4 ст. 67, ч. 4 ст. 198, п. 5 и 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ выводы суда об описке в нумерации года передачи квартиры не мотивированы, соответствующие доказательства не приведены.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если указанные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Изложенные в данной норме правила толкования договора подлежат последовательному применению при соблюдении предусмотренных в ней условий.

Следовательно, в случае толкования условий договора путем их сопоставления с другими условиями договора и смыслом договора в целом суду следовало указать, на каком основании он пришел к выводу о неясности толкуемых условий исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, а в случае толкования условий договора путем выяснения действительной воли сторон с учетом цели договора суду следовало указать, в связи с чем он пришел к выводу о невозможности определить содержание договора с использованием других правил его толкования.

При этом в силу приведенных положений ст. 431 ГК РФ подлежала установлению не только воля застройщика на заключение договора с определенным сроком исполнения, но и воля участника долевого строительства.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, который, толкуя условия договора участия в долевом строительстве о сроке передачи квартиры истцу, не указал, в чем состоит неясность этого условия исходя из буквального значения содержащихся в нем слов в их обычно употребляемом смысле, не установил действительную волю сторон и цели договора с учетом фактических обстоятельств дела, не истолковал условие о сроке этого договора по правилам, изложенным в ст. 431 ГК РФ, и не дал оценку вопросу о том, подлежит ли это условие толкованию исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, иных условий и смысла договора в целом или путем выяснения действительной воли сторон с учетом их взаимоотношений и цели договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и признавая наличие в договоре долевого участия в строительстве технической описки, не учел, что данный договор прошел государственную регистрацию, в рамках которой проведена проверка законности сделки и установлено отсутствие противоречий между заявляемыми правами и уже зарегистрированными правами на объект недвижимого имущества, в том числе и в отношении единого срока передачи объекта долевого строительства для всех участников долевого строительства.

Данные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, не получили надлежащей оценки суда апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ17-70

10. Меры ответственности, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, применяются к застройщику в части, не урегулированной Законом № 214-ФЗ.

С. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, штрафа в размере 50% от цены иска, компенсации морального вреда, возложении обязанности устранить недостатки по договору участия в долевом строительстве на территории подземной автостоянки. В обоснование заявленных требований указано, что в 2013 г. между С. и ответчиком был заключен договор участия в долевом строительстве жилого комплекса с подземной автостоянкой со встроенно-пристроенными торгово-офисными помещениями и хореографическим центром, по которому застройщик обязался построить и передать в срок не позднее 1 марта 2014 г. два машино-места. 8 апреля 2015 г. в инспекцию государственного строительного надзора подано коллективное заявление, ответ на которое подтверждает необходимость устранения дефектов и недоделок на объекте долевого строительства. 28 апреля 2014 г. состоялся повторный осмотр объекта, дефекты и недоделки из списка замечаний по состоянию на 10 апреля 2015 г. устранены не были. 2 марта 2016 г. ответчику была направлена претензия, в которой С. просил выплатить сумму неустойки за нарушение сроков устранения недостатков выполненной работы.

Представитель ответчика в судебном заседании искивые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении.

Решением суда искивые требования удовлетворены частично.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил в том числе из того, что в случае обнаружения в объекте долевого строительства недостатков участнику долевого строительства предоставлены права, предусмотренные ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а не права, предусмотренные Законом о защите прав потребителей. Требования, предусмотренные Законом № 214-ФЗ, являющимся специальным по отношению к Закону о защите прав потребителей, С. не предъявлял.

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что С. не заявлял требование об устранении недостатков в объектах долевого строительства, в связи с чем суд первой инстанции принял решение по не заявленному истцом требованию в нарушение ч. 3 ст. 196 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась, указав в том числе следующее.

В соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона № 214-ФЗ к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной данным законом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

Судом установлено, что между участниками долевого строительства, в их числе и С., и застройщиком неоднократно велись переговоры по вопросам устранения дефектов и недоделок, обнаруженных на подземной парковке.

Таким образом, в случае неисполнения застройщиком требования участника о безвозмездном устранении недостатков объекта долевого строительства подлежат применению нормы Закона о защите прав потребителей, устанавливающие санкции за несвоевременное устранение недостатков товара, в части, не урегулированной специальным законом.

В силу ст. 20 Закона о защите прав потребителей, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Согласно п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей за нарушение предусмотренных ст. 20, 21 и 22 данного закона сроков, а также за невыполнение (задержку выполнения) требования потребителя о предоставлении ему на период ремонта (замены) аналогичного товара продавец (изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер), допустивший такие нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Суд апелляционной инстанции не учел названные выше разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также то, что положениями Закона № 214-ФЗ вопрос о взыскании штрафа за неудовлетворение требований в добровольном порядке не урегулирован.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 закона).

С учетом изложенного С. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков переданных машино-мест, выявленных в течение гарантийного срока, а в случае невыполнения указанного требования в установленный законом срок потребовать взыскания с застройщика неустойки.

Определение № 11-КГ17-29

11. Гражданин вправе требовать от застройщика компенсации понесенных им расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства в случае, если объект построен с отступлениями от условий договора и (или) установленных в законе обязательных требований, приведшими к ухудшению качества этого объекта.

Такого рода требования, основанные на положениях ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, могут быть заявлены в течение установленного гарантийного срока.

Общество обратилось в суд в защиту интересов М. с иском к застройщику о возмещении расходов по устранению недостатков выполненных работ на объекте долевого строительства, взыскании неустойки, штрафа в размере 25% от присужденной судом суммы в пользу М. и 25% в пользу общества, расходов на досудебную экспертизу, компенсации морального вреда.

Судом по делу была назначена строительно-техническая экспертиза. Согласно заключению эксперта отделочные работы, выполненные в квартире М., не соответствуют действующим нормативным требованиям, также была установлена рыночная стоимость ремонта, который необходимо выполнить в результате выявленных дефектов отделочных работ, произведенных застройщиком.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что объект строительства передан истцу застройщиком с недостатками, которые не устранены, руководствуясь при этом ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а также принимая во внимание заключение эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска, поскольку пришел к выводу о том, что указанная норма применяется, если в объекте долевого строительства выявлены недостатки, делающие этот объект непригодным для использования. При рассмотрении данного дела, по мнению суда, эта норма применению не подлежит, поскольку выявленные недостатки являются несущественными, то есть позволяют использовать квартиру в соответствии с условиями договора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В части 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ (здесь и далее нормы закона приведены в редакции, действовавшей на момент заключения договора участия в долевом

строительстве) предусмотрено, что застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

Согласно ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: 1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; 2) соразмерного уменьшения цены договора; 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков.

В силу ч. 3 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства или неустранения выявленных недостатков в установленный участником долевого строительства разумный срок участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от застройщика возврата денежных средств и уплаты процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 данного закона.

В соответствии с ч. 6 ст. 7 Закона № 214-ФЗ участник долевого строительства вправе предъявить застройщику требования в связи с ненадлежащим качеством объекта долевого строительства при условии, если недостатки были выявлены в течение гарантийного срока.

По смыслу указанных выше положений закона участник долевого строительства в течение гарантийного срока вправе потребовать от застройщика возмещения своих расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства не только в случае, если выявленные недостатки делают объект непригодным для предусмотренного договором использования, но и в случае, если объект построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о том, что норма ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ подлежит применению только в случае обнаружения существенных недостатков, не позволяющих использовать объект долевого строительства по назначению, является ошибочным, следовательно, М. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков объекта строительства, выявленных в течение гарантийного срока.

Согласно договору участия в долевом строительстве объект долевого строительства предполагался к передаче участнику со следующими элементами внутренней отделки и комплектации: полы —

линолеум, стены — обои под покраску без последующей окраски. Окраска, побелка; входная дверь — металлическая без внутренней облицовки; межкомнатные двери — деревянные; окна и двери на балкон и (или) лоджию — металлопластиковые изделия; лоджия и (или) балкон застеклены; комплектующие: кухня — мойка металлическая, электроплита; санузел — унитаз (санфаянс), полы — плитка; ванная комната — ванна (металлическая), раковина (санфаянс), счетчики горячей и холодной воды. Ввод в квартиру инженерных сетей — отопления, водоснабжения, канализации, электроснабжения.

Договором участия в долевом строительстве многоквартирного дома предусмотрено, что застройщик обязуется передать участникам долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора либо, при отсутствии или неполноте условий такого договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

По условиям договора участия в долевом строительстве гарантийный срок на объект долевого строительства составляет пять лет. Указанный срок исчисляется со дня передачи объекта долевого строительства участникам долевого строительства.

Судом установлено, что претензию по качеству внутренней отделки М. предъявил обществу в течение гарантийного срока.

Согласно заключению эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу, в спорной квартире имеются недостатки, а именно — отделочные работы, выполненные в ней, не соответствуют действующим нормативным требованиям, в частности п. 3.12, 3.67, 4.24, 4.39, 4.43 СНиП 3.04.01-87 «Изоляционные и отделочные покрытия».

Доводам М., а также указанному заключению, положенному в основу решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в нарушение требований гражданско-процессуального законодательства оценки не дал.

Определение № 18-КГ17-222

12. Обязанность представить доказательства, подтверждающие, что замена строительных материалов на эквивалентные по качеству соответствует условиям договора и не привела к ухудшению качества объекта долевого строительства, возлагается на застройщика.

В. обратилась в суд с иском к застройщику об уменьшении цены объекта долевого строительства, о взыскании убытков, понесенных ею в связи с необходимостью получения заключения специалиста, неустойки за неудовлетворение требований потребителя об устранении недостатков работ, компенсации морального вреда, штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя в размере 50% от присужденной суммы, судебных расходов на оплату услуг представителя.

Судом установлено, что между застройщиком и В. заключен договор участия в долевом строительстве.

Стоимость объекта долевого строительства (квартиры) оплачена истцом в полном объеме.

В соответствии с техническим описанием жилого помещения, являющимся неотъемлемой частью договора, в разделе «Конструктивные элементы», в графе «Межкомнатные перегородки», указан материал «кирпич». Фактически в построенной ответчиком квартире межкомнатные перегородки сделаны из пазогребневых плит.

Претензию В. об устранении недостатков, связанных с межкомнатными перегородками и ненадлежащим креплением электрических розеток, застройщик частично удовлетворил, отказав в замене материала межкомнатных перегородок со ссылкой на то, что проектной декларацией, составленной на основе документов, получивших положительное заключение государственной экспертизы, возведение указанных перегородок предусматривалось из пазогребневых плит.

Разрешая спор и удовлетворяя иск В. в части уменьшения цены договора и взыскания стоимости работ, необходимых для приведения квартиры в соответствие с условиями договора, суд первой инстанции, положив в основу заключение эксперта, пришел к выводу о несоответствии материала, из которого возведены в квартире истца межкомнатные перегородки, условиям заключенного между сторонами договора.

Поскольку между сторонами согласован материал, из которого должны быть изготовлены межкомнатные перегородки, судом отклонены возражения ответчика о праве застройщика в соответствии с условиями договора вносить без дополнительного уведомления участника незначительные архитектурные, структурные изменения, а также заменять строительные материалы или оборудование, указанные в проектной документации, на эквивалентные по качеству строительные материалы или оборудование при условии, что по завершении строительства объект долевого строительства будет отвечать требованиям проектной документации.

Суд, установив нарушения прав В. как потребителя, с учетом принципа разумности и справедливости взыскал компенсацию морального вреда, а также штраф в размере 50% от сумм, присужденных истцу.

Отказывая в удовлетворении требований о взыскании убытков, связанных с обращением к специалисту, суд указал на то, что данные расходы являются судебными, но, поскольку по делу была проведена судебная экспертиза, данные расходы истца не являлись необходимыми.

Не установив фактического состава, необходимого для привлечения ответчика к ответственности, предусмотренной п. 3 ст. 30 Закона о защите прав потребителей, суд отказал в иске в части взыскания неустойки.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в иске в полном

объеме, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, применив пазогребневые плиты для возведения межкомнатных перегородок, ответчик допустил отступление от условий договора. Вместе с тем доказательств, с достаточностью и достоверностью подтверждающих ухудшение в связи с этим качества объекта долевого строительства, материалы дела не содержат, а поэтому оснований для уменьшения цены квартиры не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В случае если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных выше обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения цены договора; возмещения своих расходов на устранение недостатков (ч. 2 ст. 7 указанного закона).

По смыслу приведенных правовых норм при установлении факта отступления застройщика от условий договора, предусматривающих возведение межкомнатных перегородок из кирпича, именно на ответчика возлагается обязанность доказывания того обстоятельства, что замена строительных материалов произведена на эквивалентные по качеству, а также что возведение межкомнатных перегородок из пазогребневых плит не привело к ухудшению качества объекта долевого строительства.

Однако суд в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ возложил обязанность по доказыванию факта некачественного строительства объекта на истца-потребителя, тогда как бремя доказывания надлежащего исполнения обязательства возлагается на застройщика.

Суд апелляционной инстанции не указал в своем определении, на каких доказательствах основан вывод о том, что изменение используемого застройщиком материала не привело к ухудшению качества перегородки и, соответственно, квартиры, в связи с чем данное утверждение признано Судебной коллегией необоснованным, а апелляционное определение — не соответствующим положениям ст. 198 и 329 ГПК РФ.

Определение № 31-КГ17-11

Разрешение споров, связанных с осуществлением трудовой (служебной) деятельности

13. Если отношения сторон фактически складываются как трудовые, то независимо от их юридического оформления к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Ж.Н. и Ж.Е. обратились в суд с иском к обществу о признании заключенными с ними трудовых договоров, об обязанности оформить трудовые договоры с указанием места работы, трудовой функции, оплаты труда, условия о том, что работа выполняется в опасных условиях труда с обязательным социальным страхованием работника, о возложении обязанности рассчитать и внести страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование, возложении обязанности внести в трудовую книжку записи о приеме на работу и об увольнении по п. 2 ст. 77 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) (истечение срока трудового договора), возложении обязанности составить и выдать Ж.Н. акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1.

В обоснование заявленных требований Ж.Н. и его сын Ж.Е. указали, что в апреле 2015 г. они были приглашены на работу в общество. На собеседовании им было сообщено о месте исполнения ими трудовых обязанностей в период с 6 мая по 30 июня 2015 г. включительно. После прохождения обучения и проверки на знание правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя им были присвоены группы электробезопасности, дающие право на работу с электрооборудованием.

Ж.Н. прошел аттестацию в аттестационной комиссии на должность бригадира электромонтажников. Стороны согласовали размер заработной платы, круг должностных обязанностей. Истцы сдали трудовые книжки ответчику для оформления трудовых отношений, получили по 10 000 руб. каждый в качестве суточных. Перед выездом к месту работы им вручили проездные билеты и договоры подряда.

Ж.Н. работал бригадиром электромонтажников. В круг его обязанностей входило проведение инструктажа и стажировки работников ответчика, распределение работы между электромонтажниками, контроль за выполненной работой, что подтверждается записями в журнале.

Ж.Е. работал электромонтажником, выполнял работу по монтажу электрооборудования под непосредственным руководством Ж.Н. и инженера контрольно-измерительных приборов и автоматики. 27 июня 2015 г. Ж.Н., находясь на рабочем месте и выполняя свои трудовые обязанности, получил травму на производстве.

В связи с обращением Ж.Н. в государственную инспекцию труда было проведено расследование, по результатам которого составлен акт расследования несчастного случая, в котором указано на наличие

признаков трудового договора, заключенного сторонами. В рамках названного расследования руководитель общества С. дал письменные пояснения, согласно которым истцы с обществом в трудовых отношениях не состояли, между сторонами имели место гражданско-правовые отношения. С этим истцы не согласны со ссылкой на акт расследования несчастного случая, в соответствии с которым договор подряда, заключенный с Ж.Н., носит признаки трудового договора. Истцы считали, что доказательством заключения между сторонами именно трудового договора является то, что с Ж.Н. были проведены инструктаж на рабочем месте, стажировка, аттестация, проверка знаний, истцы не являются самостоятельными хозяйствующими субъектами, работали в составе коллектива, подчинялись установленному трудовому распорядку, их деятельность контролировал работодатель. Отказ ответчика в оформлении трудового договора нарушает права истцов на получение бесплатной медицинской помощи за счет страховых взносов, на учет стажа работы по специальности, а следовательно, права на получение пенсии, на социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на компенсацию морального вреда.

Решением суда искивые требования Ж.Н. и Ж.Е. удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда по данному делу отменено. Принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 4 ст. 11 ТК РФ, если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии в порядке, установленном данным кодексом, другими федеральными законами, были признаны трудовыми отношениями, к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Трудовые отношения — отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. Заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается (ст. 15 ТК РФ).

В силу ст. 56 ТК РФ трудовой договор — соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя.

В статье 57 ТК РФ приведены требования к содержанию трудового договора, в котором, в частности, указываются: фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя — физического лица), заключивших трудовой договор, место и дата заключения трудового договора. Обязательными для включения в трудовой договор являются следующие условия: место работы; трудовая функция (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы); дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, — также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с данным кодексом или иным федеральным законом; условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты); режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя); гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте, условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы); условия труда на рабочем месте; условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с кодексом и иными федеральными законами.

Трудовой договор вступает в силу со дня его подписания работником и работодателем, если иное не установлено названным кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации или трудовым договором, либо со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается сторонами (ч. 1 ст. 67 ТК РФ).

Трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. При фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, а если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии были признаны трудовыми отношениями, — не позднее трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми отношениями, если иное не установлено судом (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.2 определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, в целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и фактов заключения гражданско-правовых договоров вопреки намерению работника заключить трудовой договор, а также достижения соответствия между фактически складывающимися отношениями и их юридическим оформлением федеральный законодатель предусмотрел в ч. 4 ст. 11 ТК РФ возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Суды общей юрисдикции, разрешая подобного рода споры и признавая сложившиеся отношения между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 ТК РФ.

Из приведенных в этих статьях определений понятий «трудовые отношения» и «трудовой договор» не вытекает, что единственным критерием для квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых является осуществление лицом работы по должности в соответствии со штатным расписанием, утвержденным работодателем, — наличие именно трудовых отношений может быть подтверждено ссылками на тарифно-квалификационные характеристики работы, должностные инструкции и любым документальным или иным указанием на конкретную профессию, специальность, вид поручаемой работы. Таким образом, по смыслу ст. 11, 15 и 56 ТК РФ во взаимосвязи с положением ч. 2 ст. 67 названного кодекса, согласно которому трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя, отсутствие в штатном расписании должности само по себе не исключает возможности признания в каждом

конкретном случае отношений между работником, заключившим договор и исполняющим трудовые обязанности с ведома или по поручению работодателя или его представителя, трудовыми — при наличии в этих отношениях признаков трудового договора.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 3 п. 8 и в абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу ч. 4 ст. 11 ТК РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, однако работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным и работодатель или его уполномоченный представитель обязан не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения к работе оформить трудовой договор в письменной форме (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

Приведенные нормы трудового законодательства, определяющие понятие трудовых отношений, их отличительные признаки и особенности, форму трудового договора и его содержание, механизмы осуществления прав работника при разрешении споров с работодателем по квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых, судом апелляционной инстанции применены неправильно, без учета правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.2 определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, и разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2.

Вследствие неправильного применения норм трудового законодательства суд апелляционной инстанции отдал приоритет юридическому оформлению отношений между истцами и ответчиком, не выясняя при этом, имелись ли в действительности между сторонами признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 ТК РФ, и не было ли со стороны ответчика злоупотребления при заключении договора подряда вопреки намерению работников, как экономически более слабой стороны, заключить трудовой договор.

При этом вывод о наличии между сторонами гражданско-правовых отношений по договору подряда сделан судом апелляционной инстанции без применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре подряда (гл. 37), без установления его содержания и признаков в сравнении с трудовым договором и трудовыми отношениями.

Так, в соответствии со ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определен-

ную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Договор подряда заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику (п. 1 ст. 703 ГК РФ).

Заказчик обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором подряда, с участием подрядчика осмотреть и принять выполненную работу (ее результат), а при обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе немедленно заявить об этом подрядчику (п. 1 ст. 720 ГК РФ).

Из содержания данных норм ГК РФ следует, что договор подряда заключается для выполнения определенного вида работы, результат которой подрядчик обязан сдать, а заказчик принять и оплатить. Следовательно, целью договора подряда является не выполнение работы как таковой, а получение результата, который может быть передан заказчику. Получение подрядчиком определенного передаваемого (т.е. материализованного, отделяемого от самой работы) результата позволяет отличить договор подряда от других договоров.

От трудового договора договор подряда отличается предметом договора, а также тем, что подрядчик сохраняет положение самостоятельного хозяйствующего субъекта, в то время как по трудовому договору работник принимает на себя обязанность выполнять работу по определенной трудовой функции (специальности, квалификации, должности), включается в состав персонала работодателя, подчиняется установленному режиму труда и работает под контролем и руководством работодателя; подрядчик работает на свой риск, а лицо, работающее по трудовому договору, не несет риска, связанного с осуществлением своего труда.

В обоснование исковых требований Ж.Н. и Ж.Е. ссылались на то, что они работали как члены коллектива общества, в договорах и выданных им удостоверениях были определены место их работы и должности, порядок оплаты труда, они подчинялись установленному трудовому распорядку и их деятельность контролировал работодатель, с ними проведен инструктаж, они прошли стажировку, аттестацию по проверке знаний правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя. В подтверждение своих доводов истцы представили суду соответствующие доказательства.

Однако суд апелляционной инстанции, перечислив доводы сторон спора и доказательства, не отразил в судебном постановлении мотивы, по которым одни доказательства приняты им в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты, и основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о возникновении между истцами и ответчиком гражданско-правовых отношений и в связи с этим об отсутствии обязанности у общества по уплате страховых взносов на обязательное социальное

страхование Ж.Н. и Ж.Е. от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование и выдаче Ж.Н. акта о несчастном случае на производстве по форме Н-1 и об отказе в удовлетворении исковых требований признаны Судебной коллегией неправомерными.

Определение № 66-КГ17-10

14. Заключение срочного служебного контракта с сотрудником, достигшим предельного возраста пребывания на службе, исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе его руководителя по основанию достижения им предельного возраста пребывания на службе.

М., 1969 года рождения, обратился в суд с иском к федеральному государственному казенному учреждению «1 отряд федеральной противопожарной службы по Кемеровской области» (далее — ФПС) о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований М. указал, что был принят на службу в ФПС водителем 1-го класса. По достижении им предельного возраста пребывания на службе (45 лет) с ним 1 марта 2014 г. был заключен срочный контракт о службе на срок до 19 марта 2020 г.

19 декабря 2015 г. М. было вручено уведомление об увольнении на основании ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе). Однако приказ о его увольнении издан не был, и он продолжил службу.

27 июля 2016 г. М. вновь было вручено уведомление об увольнении в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, которым он был поставлен в известность 3 октября 2016 г.

Приказом ФПС от 24 октября 2016 г. М. уволен со службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе) с 24 октября 2016 г.

М. полагал увольнение по указанному основанию неправомерным, поскольку после достижения им предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе (45 лет) с ним был заключен срочный контракт о прохождении службы до 19 марта 2020 г., срок которого на момент его увольнения не истек, военно-врачебной комиссией он признан годным к прохождению государственной службы.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Отношения, связанные с поступлением на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения сотрудника противопожарной службы, урегулированы Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 141-ФЗ, Закон), вступившим в силу с 23 мая 2016 г., за исключением ч. 1 ст. 90 этого закона, которая вступает в силу с 1 января 2022 г.

Согласно ч. 1 ст. 20 Закона правоотношения на службе в федеральной противопожарной службе между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта о прохождении службы в федеральной противопожарной службе, который заключается в соответствии с этим федеральным законом и вступает в силу со дня, определенного приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности или уполномоченного руководителя о назначении гражданина на должность либо о переводе сотрудника федеральной противопожарной службы на иную должность в федеральной противопожарной службе.

Контракт может заключаться на неопределенный срок или на определенный срок (ч. 2 ст. 22 Закона).

Контракт, заключенный на неопределенный срок, действует до достижения сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, кроме случаев, установленных Федеральным законом № 141-ФЗ (ч. 3 ст. 22 Закона).

Статьей 90 Федерального закона № 141-ФЗ в зависимости от специального звания установлен различный предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

Так, согласно названной норме закона такой возраст для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-полковника внутренней службы, составляет 65 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внутренней службы или генерал-майора внутренней службы, — 60 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание полковника внутренней службы, — 55 лет, для сотрудника, имеющего иное специальное звание, — 50 лет.

При этом ч. 6 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ определено, что со дня официального опубликования указанного федерального закона и до 1 января 2022 г. устанавливается следующий предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе: для сотрудника, имеющего специаль-

ное звание генерал-полковника внутренней службы, — 60 лет (п. 1 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внутренней службы или генерал-майора внутренней службы, — 55 лет (п. 2 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание полковника внутренней службы, — 50 лет (п. 3 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего иное специальное звание, — 45 лет (п. 4 ч. 6 ст. 95 Закона).

Достижение сотрудником федеральной противопожарной службы предельного возраста пребывания на службе является основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ).

Вместе с тем закон предоставляет возможность продления такому сотруднику времени пребывания на службе путем заключения контракта на определенный срок.

Так, согласно ч. 3 ст. 90 Федерального закона № 141-ФЗ с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, имеющим положительную последнюю аттестацию и соответствующим требованиям к состоянию здоровья сотрудников в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии, с его согласия и по его рапорту может заключаться новый контракт, но не более чем на пять лет после достижения предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

В пункте 10 ч. 5 ст. 22 Федерального закона № 141-ФЗ установлено, что контракт на определенный срок заключается с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, на период, определяемый в соответствии со ст. 90 этого закона.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ контракт прекращается и сотрудник федеральной противопожарной службы может быть уволен со службы после истечения срока действия контракта.

Аналогичные положения о порядке прохождения службы в федеральной противопожарной службе при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе были предусмотрены Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (далее — Положение о службе в органах внутренних дел), которое распространялось на сотрудников федеральной противопожарной службы в силу ст. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 «О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности» и действовало до вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. Указанное положение действовало в том числе на момент принятия решения

о продлении М. срока службы сверх достижения им предельного возраста пребывания на службе и заключения с ним 1 марта 2014 г. контракта о прохождении им службы до 19 марта 2020 г.

Так, согласно п. «б» ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по достижении предельного возраста, установленного ст. 59 Положения.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел, имеющие специальные звания рядового и младшего начальствующего состава, могут состоять на службе в органах внутренних дел до достижения ими 45-летнего возраста.

Статьей 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел, достигшие предельного возраста, установленного данной статьей для службы в органах внутренних дел, подлежат увольнению, за исключением случаев, предусмотренных законом и данным положением (ч. 3 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

В интересах службы при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний сотрудники органов внутренних дел в персональном порядке и с их согласия могут быть оставлены на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет начальниками, которым предоставлено право назначения на должности этих сотрудников (ч. 4 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

Решение о продлении срока оставления на службе не исключает возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел по основаниям, предусмотренным положением (ч. 6 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

С целью определения порядка прохождения службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 3 ноября 2011 г. № 668 была утверждена Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В пункте 160 названной инструкции было определено, что решения об оставлении сотрудника на службе сверх установленного для него предельного возраста принимаются руководителями, имеющими право назначения этих сотрудников на должность, путем утверждения персональных списков. Списки сотрудников, оставляемых на службе сверх установленного возраста, составляются кадровыми подразделениями ежегодно к первому марта. Они

составляются отдельно для сотрудников, которым срок службы продлевается впервые и повторно, на основании их рапортов и ходатайств непосредственных начальников. В ходатайствах излагаются выводы последней аттестации, краткая характеристика деловых и нравственных качеств сотрудника, иные сведения и обстоятельства, которые могут иметь значение для принятия решения, а также указывается, до какой даты (месяц, год) предлагается оставить сотрудника на службе в МЧС России. Сотрудники до продления сроков службы проходят военно-врачебную комиссию по направлению кадрового подразделения в медицинском подразделении по месту их прикрепления. Военно-врачебной комиссией в установленном порядке дается оценка состояния здоровья сотрудника, свидетельствующая об отсутствии у него противопоказаний для службы. Принятые решения об оставлении сотрудников на службе сверх установленного для них предельного возраста или отказе (с указанием причин) в этом объявляются сотрудникам лично непосредственными руководителями. Утвержденные персональные списки направляются в кадровое подразделение по месту службы сотрудников и хранятся в прошитом и пронумерованном виде. На основании поступивших документов в личных делах сотрудников, оставленных на службе, в раздел 10 послужного списка вносится соответствующая запись. Материалы по продлению срока службы приобщаются к личным делам сотрудников.

Из приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи следует, что, по общему правилу, сотрудник федеральной противопожарной службы, достигший предельного возраста пребывания на службе, подлежит увольнению. Вместе с тем в интересах службы по решению уполномоченного руководителя органа федеральной противопожарной службы, которому предоставлено право назначения на соответствующие должности, срок службы сотрудника с его согласия при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний может быть продлен на срок до пяти лет. В случае продления сотруднику, достигшему предельного возраста, срока пребывания на службе он продолжает службу в федеральной противопожарной службе с учетом срока продления, что исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа федеральной противопожарной службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе).

Между тем судебные инстанции вследствие ошибочного толкования норм материального права, регулирующих основания и порядок увольнения сотрудника федеральной противопожарной службы, достигшего предельного возраста пребывания на службе в случае заключения с ним срочного контракта после достижения таким сотрудником предельного возраста пребывания на службе, пришли к неправильному

выводу о том, что руководитель органа федеральной противопожарной службы при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе имеет право расторгнуть с таким сотрудником контракт по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ независимо от того, что с данным сотрудником уже после достижения им предельного возраста пребывания на службе был заключен контракт на определенный срок о прохождении службы в федеральной противопожарной службе.

Кроме того, судами при разрешении спора не учтены положения ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ, которыми регламентирован порядок применения этого закона к правоотношениям, возникшим до дня вступления его в силу.

Так, согласно ч. 4 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ сотрудники федеральной противопожарной службы, проходившие службу на должностях в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу данного федерального закона без заключения контракта или на основании контракта, проходят с их согласия службу на замещаемых должностях с оформлением контракта в соответствии со ст. 21–23 этого закона. Сотрудники, проходившие службу в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу названного федерального закона на основании срочного контракта, проходят с их согласия службу до окончания его действия с оформлением срочного контракта в соответствии со ст. 21–23 Закона. Сотрудники, отказавшиеся оформлять контракт в соответствии с поименованной выше статьей, увольняются со службы в федеральной противопожарной службе по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 83 этого закона.

Из изложенной нормы закона следует, что, если сотрудник проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, то есть до 23 мая 2016 г., такой сотрудник с его согласия проходит службу до окончания действия срочного контракта, заключенного до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. При этом срочный контракт, заключенный до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, подлежит переоформлению в соответствии с требованиями ст. 21–23 названного закона. Сотрудники, отказавшиеся переоформлять срочный контракт, подлежат увольнению по п. 3 ч. 2 ст. 82 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с изменением условий контракта и отказом сотрудника от продолжения службы в федеральной противопожарной службе).

Как установлено судом и следует из материалов дела, на момент вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. уже проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта, заключенного с ним 1 марта 2014 г. на срок до 19 марта 2020 г.

Данных о том, что в связи с вступлением в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. отказался переоформить срочный контракт, в деле не имеется.

Ссылка суда апелляционной инстанции в обоснование вывода о законности увольнения М. со службы в федеральной противопожарной службе на отсутствие положительного решения Центральной аттестационной комиссии о продлении М. срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе также признана незаконной.

Согласно п. 7 приложения № 2 к приказу МЧС России от 24 июля 2014 г. № 385 «Полномочия должностных лиц Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по назначению на должности, освобождению от должностей, присвоению специальных званий и прекращению службы в отношении сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы» (данный приказ действовал на момент принятия решения об увольнении М. со службы и до издания приказа МЧС России от 10 мая 2017 г. № 209 «Об утверждении полномочий должностных лиц в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по назначению на должности, переводу по службе и прекращению службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы») вопросы, связанные с присвоением специальных званий высшего начальствующего состава, очередных специальных званий досрочно или на ступень выше специального звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности, с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе, с поступлением на службу и (или) назначением на должности в центральном аппарате МЧС России, начальников (первых заместителей, заместителей начальников) региональных центров, начальников (первых заместителей начальников) главных управлений, начальников учреждений (организаций) МЧС России центрального подчинения, первых заместителей (заместителей) начальников образовательных организаций высшего образования МЧС России, заместителей начальников научных организаций МЧС России, рассматриваются на заседаниях Центральной аттестационной комиссии МЧС России.

Иные вопросы, связанные с прохождением службы сотрудниками, рассматриваются на заседаниях аттестационных комиссий структурного подразделения центрального аппарата МЧС России, осуществляющего руководство деятельностью специальных подразделений, региональных центров, главных управлений, подразделений ФПС ГПС, иных учреждений (организаций) МЧС России и их филиалов, где проходят службу сотрудники.

Приказом МЧС России от 23 мая 2012 г. № 280 утверждены Правила аттестации руководящего состава Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по вопросам гражданской обороны, защиты населения

и территорий от чрезвычайных ситуаций, пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

К полномочиям Центральной аттестационной комиссии МЧС России, согласно п. 7 названных правил, отнесены в числе других вопросы, связанные с рассмотрением материалов о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе должностным лицам специальных подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований.

В отношении иных сотрудников материалы о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе рассматриваются

аттестационными комиссиями территориальных органов МЧС России и организаций МЧС России (п. 16 указанных выше правил).

Таким образом, к компетенции Центральной аттестационной комиссии МЧС России относятся в том числе вопросы, связанные с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе руководящего состава МЧС России.

Между тем М., занимавший должность водителя 1-го класса пожарно-спасательной части и имеющий специальное звание «старший сержант внутренней службы», к руководящему составу МЧС России не относится.

Определение № 81-КГ17-19

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
ЭТО ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА